

16+

УПРАВШЕ
ОБЛАКА

МИХАИЛ КАППИ

Михаил Каппи
Упавшие облака

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Каппи М. А.

Упавшие облака / М. А. Каппи — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Смерть – чудовищна и прекрасна! Полна трагизма и дающая возможность на новую жизнь. Таков закон природы. Нименд Клаус, ведущий специалист Европейской организации по ядерным исследованиям кинул вызов этому, казалось бы, обычному, необратимому физиологическому процессу, который навис над всем человечеством, в результате фатальной ошибки. Кто виновен в этой трагедии? Какую роль сыграл во всей этой истории его странный сын Матиас, и стоит ли пытаться что-либо изменить, или смириться и оставить все как есть...

© Каппи М. А., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава I	7
Глава II	12
Глава III	16
Глава IV	20
Глава V	23
Глава VI	26
Глава VII	30
Глава VIII	33
Глава IX	37
Глава X	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Михаил Каппи

Упавшие облака

*Посвящается каждому электрону, протону и нейтрону,
а также другим элементарным частицам,
из которых состоят и состояли
самые дорогие и родные мне люди*

- Что это?
- Пульс. Нитевидный.
- Не может быть! Срочно звони в скорую!
- И что я им скажу?! Я из морга! У нас тут ожил труп?!
- Звони же ты, наконец!

Мужчина в белом халате, лет тридцати пяти, приступил к реанимационным действиям впервые в жизни.

Морг – не то место, где навыки непрямого массажа сердца могли бы пригодиться. Медицинское образование и безупречное знание анатомии позволили ему выполнить эти действия самым качественным образом.

Обычно скорые по направлению к моргу не спешат. Но только не на этот раз. Наверное, всем было интересно принять участие в очень неординарном событии, которое произошло в одном из столичных моргов.

- Реанимационный набор! Дефибрилятор!
- Он решил еще пожить?!
- Хрен его знает! Похоже на то!
- Прошло столько времени, такого в моей практике еще не случилось...
- Этот малый сильный, несмотря на внешность.

– Эй, кто-нибудь! Снимите же с него эти дурацкие очки! Руки! Разряд! – Оголенная грудь резко подскочила, и электрический ток мощной струей прошелся по мышцам, заставив изогнуться, а затем съежиться грудную клетку и все, что в ней находилось. Синеватого оттенка парень лежал на гладком оцинкованном столе, в правом углу которого зияло отверстие для слива.

– Руки! – снова закричал человек в ярко-синей одежде. – Разряд! – И снова голое тело откликнулось на электричество. Подпрыгнув и ударившись о металлическую поверхность холодного стола. – Стой! По-моему, есть! Совсем слабо, но есть!

- Неужели мы сделали это?!
- Да, вроде... – удивленно и с облегчением улыбнулся человек с небритым лицом.

Второй, в белом халате, вытаращил глаза и скривил уголки рта вниз, что придало лицу недоуменное выражение.

- Это впервые в моей практике.
- Да о чем ты говоришь! Это впервые в практике почти у всех. Такое только в анекдотах и небылицах рассказывают.

- Держи его, держи!
- Я хрен его теперь отпущу! Теперь это моя небылица!

Человек в синем с остервенением продолжал вытаскивать с того света, цеплявшегося за жизнь мужчину. Копна пышных волос «счастливчика» неряшливо распласталась на столе, а очки лежали рядом, словно ждали, когда снова понадобятся хозяину, и он тут же начнет поправлять их, пытаясь найти удобное место на переносице.

Небритый мужчина в грязном фартуке, больше похожем на фартук мясника, беспрестанно теревил порозовевшее ухо парню на ледяном столе, будто это заботливое действие могло повлиять на качество реанимации недавно умершего.

– Давай! Давай! Живи! – разговаривал с едва вернувшимся на этот свет человеком молодой парень в синей спецодежде со светоотражающими полосами. – Как же у вас холодно!

– Да, не курорт! Мы бы и сами рады подтопить, но, думаю, это – плохая затея, – не отрывая глаз от реанимируемого, пытался шутить человек в белом. Несмотря на низкую температуру в помещении, запах был более чем узнаваем.

Необычайно приятные и теплые чувства охватили участников этого поистине волшебного действия. Оказалось, что вытаскивать с того света, чертовски приятно. Гораздо приятнее, чем вскрывать и зашивать бездыханные холодные тела.

– Надо его согреть. Вроде потихоньку очухивается, – не переставая качать одной рукой вентиляционный мешок ручного аппарата ИВЛ, произнес парень в синем.

Мужчина в грязном фартуке, метнулся в соседнее помещение и мигом принес плюшевый плед, которым нередко пользовались работники морга, а теперь щедро делились с «покойником».

– Только бы выжил! – воскликнул бескорыстный мужчина, который большую часть времени проводил с трупами, но не потерявший человеческих качеств.

– Думаю, мы можем его забрать, – констатировал парень в синей робе.

Носилки тотчас трансформировались в каталку.

– И-и-и раз! – Несколько сильных рук перекинули на нее пока еще еле-еле сохранявшего в себе жизнь бывшего «покойника».

Все происходящее в этом довольно унылом холодном месте несчастный видел как бы со стороны, однако соприкоснувшись спиной с каталкой, будто обрел себя.

Тяжелое сознание вкрадчиво распознавало свои, пока еще такие чужие, руки, ноги, туловище. Ощущение невнятного желания заполнило каждую клеточку вернувшегося с того света. Желания жить. Ощущать себя. Очнуться до конца, целиком и полностью.

Кто-то нежно дотронулся до его волос, и та же нежная рука погладила по щеке.

– Эй, ты чего? – послышалось издалека. – Филипп! Филипп! – настойчивый, приятный женский голос глухо просачивался в сознание.

Внезапно парень открыл глаза – и увидел лицо любимой девушки.

– Филипп, что случилось? Ты весь в поту. Это всего лишь сон, обычный сон, успокойся.

Тяжело дыша, молодой человек не хотел вспоминать о том, что приснилось, тем более рассказывать о своем сне. Поскорей все забыть – вот желание, охватившее его, но каждая деталь увиденного врезалась в память так глубоко, что он долго еще задавался вопросом, сон это был или эпизод из жизни, нарушивший очередность хронологических событий...

Глава I

*То, что мы есть сегодня, это следствие наших
вчерашних мыслей, а сегодняшние мысли
создают завтрашнюю жизнь.*

Жизнь – это порождение нашего разума.

Будда

– Филипп, как ты думаешь, в чем заключается наша работа? – спросил высокий худощавый человек в белом халате.

Он посмотрел на собеседника уставшими грустными глазами, скрестил руки на груди и оперся на массивный стол, почти усевшись на него. Глубокий, немного хитроватый взгляд сверлил молодого ученого, нетерпеливо ожидавшего ответа.

– Мистер Нименд, я понимаю, что ваш вопрос с подтекстом? Попытаюсь ответить. Основная задача – произвести на свет открытие, столкнув элементарные частицы в Большом адронном коллайдере, – начал Филипп стандартной фразой, которую повторял множество раз на всевозможных научных конференциях.

– Главное, чтобы не в Последнем адронном коллайдере, как некоторые изволят шутить, – серьезно, но с ноткой иронии, перебил его Клаус.

– Это будет нечто невообразимое! Триумф науки! Мы сможем заглянуть в самое сокровенное. Представьте себе...

Клаус на полуслове прервал молодого коллегу. Станный, но хорошо воспитанный Нименд в последнее время все больше не походил на себя.

– Ну, это как раз всем понятно. На самом деле мы пытаемся обмануть природу, сунув свой нос, куда не следует. Стремимся увидеть то, что не под силу разглядеть. Отчаянно и бесцеремонно стараемся постичь то, что не может быть осознано нашими безгранично ограниченными органами чувств, – скептически подытожил профессор.

Клаус Нименд был волевым и решительным человеком, но несколько последних месяцев его что-то угнетало. Его лицо казалось теряло четкость линий, твердость и ясность, становясь размытыми. И дело было не только в потускневших карих глазах. При взгляде на профессора создавалось впечатление, что кто-то нарочно приглушил в нем свет. Что в действительности происходило внутри этого замкнутого человека, знал только он сам. Даже Творцу было не под силу разглядеть все, что скрывалось за потухшим взглядом.

Его давний и преданный помощник и коллега Филипп Бьянчи приписывал это хронической усталости, но может ли усталость стереть мужественность и наложить маску недовольства или неуверенности? В коротких густых, некогда черных волосах Клауса уже изрядно пробивалась седина. Причем появилась она как-то внезапно. Филипп терялся в догадках, о причинах изменений внешности коллеги.

Чем ближе был день этого поистине грандиозного научного события, тем нервнее и раздражительнее становился Клаус.

– Понимаешь, Филипп, все как-то слишком гладко у нас получается, все расчеты идеальны, и это меня очень настораживает.

– Мистер Клаус, вы для меня всегда были и остаетесь авторитетом. Я уверен, что все пройдет так, как мы планировали.

– В последнее время все сложнее переубедить себя, что мы вправе обмануть природу... Мы замахнулись на самое святое – на таинство рождения Вселенной. Каково быть свидетелями того, что произошло почти тринадцать миллиардов лет назад? – Клаус попытался снять напряжение.

Что-то тревожное было в голосе и глазах профессора. И снова Филиппу захотелось спать это на отсутствие полноценного сна в течение трех месяцев. Конечно, можно сослаться и на перевозбуждение нервной системы, ведь они стояли на пороге величайшего открытия, благодаря которому, вероятно, изменится не только фундаментальная физика, но и весь мир. Но главной для Клауса была цель, к которой он уверенно шел все эти годы, надеясь, что она будет достигнута.

Молодой человек пристально и преданно смотрел на собеседника. Детские глаза за очками казались еще больше. Филипп старался походить на Нименда. Складывалось впечатление, что он изучает своего наставника, не упускал ни одной детали в его поведении, манерах и одежде.

– Сейчас уже поздно, предлагаю отправиться по домам, – произнес Клаус, посмотрев на ассистента покрасневшими, воспаленными глазами.

Филипп поспешно снял белый халат, и на ходу, надевая пальто, направился к двери, возле которой его ждал Клаус.

– Сегодня выдалась замечательная тихая ночь. Предлагаю пройтись пешком. Я вряд ли смогу уснуть, – в словах профессора звучали нотки разочарования.

– Что ж, в любом случае прогулка пойдет нам на пользу, мы так редко бываем на свежем воздухе...

Покидая здание, в котором находилась лаборатория физики высоких энергий, Клаус подумал, что попытки оставить мысли о работе – сплошная утопия, словно они предательски просачивались сквозь массивные стены и закрытые двери. Формулы, уравнения, расчеты кружились в голове, словно множество дервишей в пестрых одеяниях, сменяющих друг друга в монотонном танце. Сегодня, как и раньше, от этих мыслей его пытался отвлечь энергичный и позитивный Филипп.

– Мистер Клаус, как вы относитесь к религии и вере в Бога?

– Да как тебе сказать... – Профессор выдержал паузу. – Исходя из жизненного опыта и личных предубеждений, могу приписать себя к группе из самых рьяных атеистов. В детстве было просто во что-то поверить, и от этого становилось легко. С годами все события, происходящие со мной в прошлом и настоящем, пытаются доказать мне отсутствие Бога. А почему ты спрашиваешь?

– Сегодняшняя ночь располагает к разговорам на подобные темы, – с улыбкой ответил молодой ученый.

– Да, ты прав, нас окружает потрясающая ночь. Столько звезд. Невольно задумываешься, кто же это все сотворил, – согласился Клаус. – Можно задать неоднозначный вопрос?

– Очень интересно, – оживился Филипп, зная, что по части неоднозначных вопросов Нименд Клаус был профессионалом.

– Раз мы затронули такие темы и тебе не хватает мистических загадок, которые преподносит наша работа, ответь, как ты относишься к утверждению, что существует огромная разница между тем, как мы воспринимаем реальность, и тем, какова она на самом деле.

– Вы в своем репертуаре, – Филиппа явно заинтересовал этот глубокий и философский вопрос. Человек, задавший его, был непросто. Невероятно глубокий, мыслящий, созерцательный.

– Думаю, мы все так или иначе ищем Бога. Каждый по-своему. Астрономы в бесконечном пространстве Вселенной, а мы в бесконечно малых частицах, из которых она состоит.

– Любопытное наблюдение, – поддержал собеседника Нименд.

Филиппу была приятна поддержка друга, с которым он всегда старался быть на одной волне, хоть это и было непросто.

– Совсем недавно на книжном рынке мне попала книга о Будде, – продолжил Клаус. – Начав ее читать, я не смог остановиться. Меня это поразило. Но я по-прежнему убежден, что

религиозный опиум отличается лишь подачей материала. После этой книги я поменял свое мнение о восточной философии. Теперь, если бы пришлось выбирать религию, я бы предпочел буддизм, хотя это решение меня самого удивило.

Медленно шагая по улицам Женева, Филипп и Клаус наблюдали за звездным небом, и, словно мальчишки, мысленно улетали в безграничный, полный тайн космос.

– Пустотность, – как бы невзначай сорвалось с губ Клауса.

– Что-что? – переспросил Филипп.

– Пустотность, – повторил профессор, – одно из определений в буддизме, которое они открыли несколько тысячелетий назад. Сложная тема для непосвященного человека. Ты знаешь, Филипп, в последнее время мне почему-то не дает покоя именно пустотность. Чем ближе мы к мировому открытию, тем навязчивее и беспокойнее становятся мои мысли. Будто бы пустотность каким-то образом связана с нашим исследованием. Невзирая на точность расчетов, меня охватывает беспокойство, напрямую связанное с этим буддийским понятием.

– Мне бы хотелось больше узнать об этом термине, – заинтересовался Филипп. – Тем более, что мы с вами занимаемся разделом физики, с помощью которого можем увидеть, как все устроено, и что это ВСЕ состоит из ничего.

– Да, да, – подхватил Клаус, – если чисто математически, то на 99,912 процента атом состоит ровным счетом из ничего. Большинство физиков это называют абсолютной пустотой или неким квантовым полем. Хотя, дорогой Филипп, атом неспроста назвали атомом, ведь это слово означает «неделимый». Математике вообще все равно, что и как обсчитывать, были бы данные и алгоритмы решения. Еще невообразимая скорость вращения электрона вокруг ядра настолько велика, что создается впечатление, будто электроны находятся на орбиталях одновременно в каждой точке своего вероятного появления. И снова все упирается в самое загадочное и неизученное измерение – время. И математика в данном случае, как точная наука, периодически опускает руки. Все слишком противоречиво и двояко.

Когда дело касалось теоретической стороны квантовой физики, Клаусу Нименду не было равных. Доводы, которые он частенько излагал в кругу именитых ученых, всегда воспринимались восторженно, но порой возникало огромное количество споров и дискуссий.

– Филипп, ты когда-нибудь задумывался над этим? Уму непостижимо – мы живем в привычном материальном мире, где нас окружают твердые вещества, состоящие на самом деле из ничего. Все, что нас окружает, состоит из пустоты. Как может то, что кажется твердым, одновременно не быть таковым? Даже мы, люди, теоретически состоим из ничего.

Профессор начинал постигать то, что, к сожалению, не мог осознать ни один самый умный физик на планете. К сожалению, наш мозг, органы чувств и все биохимические процессы, происходящие в организме, ограничены для восприятия многих вещей. Природа всегда оставляет за собой право скрывать то, что человечеству знать не положено. Для живых организмов необходимо лишь несколько примитивных условий – среда обитания, пища и размножение. Ничего больше природе не требуется. Она всегда проста. А человеку нужно быть счастливым и избегать страданий, но благодаря некоему сбою или ошибке, а возможно, и запланированному заранее эксперименту, человечество наделено разумом, часто играющим с ним злую шутку.

Клаусу иногда казалось, что все эти научные дебри – очередная западня и люди попадают в нее, как обычные мухи в искусно сотканную паутину, расставленную хитрым пауком – человеческим разумом.

Филипп соглашался с Нимендом, но его склад ума отличался от профессорского. Он относился ко всему проще и не заморачивался над проблемами, неспособными самостоятельно выбраться из лабиринта.

– Мистер Нименд, мы с вами прекрасно понимаем, что работаем в науке, где чудеса со временем становятся обычными явлениями.

– Согласен. Впрочем, если тебе интересно, я сейчас с удовольствием, вкратце, объясню основные понятия буддизма. Без помощи точных наук, таких как математика, древние буддийские монахи смогли осознать то, над чем мы бьемся до сих пор. Конечно, тебе не следует принимать все, что я говорю, за истину. Не забывай, что моя трактовка, отличается от многих постулатов буддизма. Я делюсь с тобой своими мыслями, которые пришли в мою голову, после знакомства с этой замечательной книгой. Но пока я не уверен, что все, прочитанное мной, правильно истолковано. В сущности, основа учения буддизма заключается в медитации, ибо медитация в буддизме – все! Она и есть путь к Богу. Конечная цель – полное осознание истины. Соответственно, приблизиться к Богу и увидеть его можно только посредством медитации. Кстати, как и познать все то, что тебе необходимо, даже квантовую механику. Мы знаем, что классическая физика не работает в этом полном тайн, потустороннем разделе науки. На мой взгляд, мы, физики, постоянно пытаемся прибегнуть к помощи математики для объяснения тех или иных процессов, происходящих среди элементарных частиц. С каким количеством ошибок мы должны еще столкнуться, чтобы понять, что беря с собой на вооружение лишь математику, мы не добьемся ровным счетом ничего. Так как знания, приобретенные человеком ранее, не работают в этой системе. Настало время для изобретения фундаментально новой науки, которая шаг за шагом начнет описывать все, с чем мы столкнулись в квантовой физике, но не можем найти этому объяснение. Хотя иногда я задаюсь вопросом, а нужно ли нам это? Неужели когда-нибудь ученые провозгласят, что все, над чем они бились – открыто и объяснено и изучать больше нечего?

– Вот тогда-то мы все останемся без работы, – шутливо добавил Филипп.

– Совершенно верно, – улыбнулся Клаус. – Я, кстати, уже пытаюсь практиковать медитацию, но о моих достижениях расскажу тебе позже. Самое невероятное, что я для себя открыл, – все, чем мы занимаемся сегодня, было известно буддийским монахам две с половиной тысячи лет назад. Вспомни, что современная математика берет свое начало с девятнадцатого века. Монахи дошли до ее сути при помощи медитации. Нам, физикам, изучающим материю и вещество, известно, из чего состоит окружающий мир: из атомов, электронов и протонов. Мы научились измерять их массу и заряд, но осталось немало вопросов, на которые мы пока не можем ответить. Наш ускоритель приоткрывает занавес над тем, что мы не в силах объяснить. С помощью нашего коллайдера мы открыли большое количество элементарных частиц. Прости, что я опять углубился в размышления, связанные с работой, – нахмутив брови, произнес Клаус. – Возвращаясь к буддизму, хочу отметить, что буддийские монахи издревле поняли то, до чего современная наука не может дойти по сей день. Например, нам известно, что вещество определенной формы, с определенными физическими свойствами может занимать свое место во времени и пространстве. Если все вокруг состоит из пустого пространства, то почему предметы выглядят твердыми. Допустим, эта ручка, – Клаус ловко вытащил ее из внутреннего кармана пальто. – Мы можем этот предмет видеть и осязать, но он пустотен. Да-да, пустотен, а не пуст. В буддизме пустотно все, что окружает человека, да и сам человек одновременно существует и состоит из ничего.

Бьянчи пытался понять, о чем говорил коллега. Осмыслить то чего нет, но в то же время есть. Человек, объясняющий ему это, недаром считался гением.

– Думаю, вам следует отдохнуть, хотя начав рассказ о буддизме, вы разбудили мое любопытство, – признался Филипп.

– Все хорошо, – улыбнулся Клаус, увидевший в стеклах очков Филиппа свое отражение. Линзы исказили лицо и это его немного развеселило.

– Желаю нам завтра сделать научное открытие, – сказал на прощание Бьянчи.

– Спасибо за компанию. Я надеюсь, что наши усилия не пропадут даром.

Нименд пожал руку Филиппа и сказал: «Запомни, мой юный друг, последствия будут колоссальными. Они полностью в наших руках, ведь все перемены начинаются с нас. Во имя тех, кто был до нас, и тех, кто придет после».

Глава II

*Один день мудрого и медитирующего человека
воистину лучше ста лет человека,
не имеющего ни мудрости, ни самоконтроля.*

Будда

День выдался невероятно солнечным и ясным. Казалось, даже природа готовится к торжеству науки. Январь неожиданно подарил весеннюю погоду. Все собравшиеся ученые-физики, как бы банально это ни прозвучало, ощущали прилив положительных эмоций. В атмосфере царил дух чего-то значимого и неизведанного.

Клаус остался в своем кабинете, чтобы еще раз проверить контрольные точки в расчетах. Он единственный не до конца был счастлив от свершившегося научного события. Профессор погрузился в вычисления, сверяя формулы и расчеты. В привычном состоянии отрешенности, он мог находиться часами, не обращая внимания ни на кого.

По громкой связи приятный женский голос огласил начало проведения испытания: «Всем сотрудникам лаборатории собраться в помещении для наблюдения за исследованиями».

Взгляд Клауса по прежнему был прикован к монитору. Он никак не мог убедиться, что работа завершена. К вискам прихлынула кровь и ритмично забарабанила в ушах. «Все ли сделано до конца? Нет ли недочетов, которые могут поставить под угрозу весь эксперимент?» Профессор никак не мог избавиться от груза ответственности за происходящее.

– Ну что, вы готовы к действию? – спросил ворвавшийся в кабинет Нименда Филипп. Он мгновенно заполнил пространство своей энергией, которая светящейся аурой сопровождала его повсюду. Каждая деталь интерьера рабочего кабинета Клауса жадно проглатывала свежесть, источаемую молодым ученым.

– Я очень надеюсь на положительный результат, – пробормотал Клаус себе под нос. Он чувствовал позитив, исходящий от Филиппа, но его лицо оставалось напряженным. Нименд пытался скрыть волнение чересчур сильно, что в обще-то и выдавало его.

Начался обратный отсчет времени, и взгляды затаившей дыхание аудитории были прикованы к огромному монитору на стене. Это было окно в другой мир. Огромное количество датчиков, детекторов, высокоскоростных камер и высокотехнологичных приборов замерли в ожидании крохотного по размеру, но такого важного по своей значимости эксперимента. Он мог пройти незаметно, но мог и перевернуть все теории о зарождении Вселенной. Коллайдер представлял собой гигантский двадцати семи километровый закольцованный туннель. Внутри бесчисленное множество кабелей, проводов, магнитов и современное дорогостоящее оборудование. Сотрудникам, наблюдающим за происходящим на экране монитора, казалось, что все это находится в чреве некоего гигантского животного, скелет которого виден изнутри.

Разогнанный пучок электронов, подталкиваемый сверхмощными магнитами, успешно преодолел немыслимое расстояние. За секунду крохотным беднякам приходилось возвращаться в одну и ту же точку свыше одиннадцати тысяч раз. С такой же скоростью, близкой к скорости света, но в противоположном направлении мчался пучок антивещества. Их столкновение было неизбежным. Столкнувшись, они уничтожали друг друга, рождая на свет новые элементарные частицы, среди которых была та самая неуловимая и значимая, чье открытие стало целью многих физиков.

Ослепительная вспышка света, проявившись на экране, заставила вздрогнуть большую часть научных работников. Она была яркой и красочной, не похожей ни на одну другую. Казалось, что весь спектр солнечного света заиграл и рассыпался в триллионы радуг. В этом свечении за один миг можно было разглядеть звезды, планеты и галактики. Высокочувствительные и высокоскоростные камеры передали на экраны то, что мечтали увидеть все физики планеты.

Все прошло без единой запинки. А иначе и быть не могло — это был слишком дорогой и крупномасштабный проект. Научные сотрудники, наблюдавшие за действием, взорвались продолжительными овациями.

– Наконец-то я могу вас поздравить, мистер Нименд, – Филипп, пытался прочитать в глазах профессора гордость и радость. – Теперь мы сможем выдохнуть и приступить к дальнейшим расчетам, основываясь на показаниях приборов и датчиков, зафиксировавших наш маленький Большой взрыв.

– Ты прав. Ибо завтра нас ждет очень увлекательное путешествие в мир формул и расчетов, которое приблизит нас к постижению величайшей тайны мироздания. Теперь нам придется долго и упорно искать пресловутого Чеширского Кота. Его улыбку мы только что увидели, но это все, что он мог нам показать. Он резко сменил тему, – сегодня вечером состоится торжественное поздравление сотрудников, принимавших участие в этом эксперименте. Надеюсь, у тебя нет на сегодняшний вечер планов?

– Мистер Нименд, неужели вы думаете, что я пропущу такое событие?

Лицо Филиппа снова засияло, он был счастлив как ребенок, получивший новую игрушку. То и дело он поправлял очки, что было явным признаком волнения. Правы древние римляне, считавшие, что привычка – вторая натура.

– До встречи на фуршете, – пробасил Филипп. – Приду с Элиан, думаю, она будет очень рада с вами поговорить.

– До встречи, – как-то растерянно проговорил Клаус. – Сейчас мне не терпится пройти в свой кабинет и ознакомиться с первыми результатами нашего опыта. Данные уже поступают в общий компьютер, и мы можем сделать предварительные выводы.

Вернувшись в кабинет, Клаус погрузился в мягкое кресло, скрестил руки за головой и закрыл глаза. Впервые за много лет изнурительного труда он мог позволить себе расслабиться, воспользовавшись временной тишиной. Уставший Клаус быстро погрузился в состояние на грани сна и бодрствования, и, борясь с сонливостью, начал заниматься медитацией. Уму, заполненному суетными мыслями, как всегда, трудно было наблюдать за ними. Мысли прыгали и скакали в голове, будто взбесившиеся бабуины, но постепенно их количество таяло. Клаус чувствовал, как тепло распространяется по всему телу, ставшее невероятно тяжелым. Профессор, сумев отстраниться от мыслей, попытался медитировать на пустотности, так беспокоившей его в последнее время. Ему захотелось дойти до истины, разобраться в своем беспокойстве, погружаясь все глубже в свои переживания. Он не просто ощущал новые чувства и эмоции, которые трансформировались в его разуме, а делал их подконтрольными, не давая завладеть своим умом. Находясь в медитативном состоянии, Клаус не ощущал ни времени, ни пространства. Его посещали странные образы и воспоминания из детства, мысли, связанные с работой, но он настойчиво возвращал себя к пустотности. А потом, среди сменяющихся в очередной раз картинок, Нименд увидел небольшое пятно. Поначалу он не обратил на него внимания, настолько оно было крохотным. Но пятно росло и казалось, оно пытается заменить все образы в его голове. Оно было ничем и всем одновременно. Клаус чувствовал, как это нечто буквально пожирает его мысли. Страх, который он попытался взять под контроль путем наблюдения за ним, невозможно было удержать в заданных рамках. Инстинкт подсказывал, что оставаться один на один с тем, что родило его сознание, небезопасно. Страх перерос во всеобъемлющее чувство тревоги, и, находясь на пороге ужаса, Клаус прервал медитацию. Он открыл глаза. В груди его будто была птица, стремившаяся вырваться на свободу, и сердце его бешено колотилось. К голове прилила кровь, профессор принялся глубоко дышать, чтобы успокоиться. Встал с кресла. Надо было быстрее отвлечься от пережитого. Нименд выпил стакан воды из графина и начал разминать руки, словно пианист, перед исполнением сложного музыкального произведения. Ощущение тревоги не покидало. Он, будто одержимый, направился к компьютеру, уставился в монитор и стал судорожно прокручивать все известные параметры последнего опыта.

Клаус отбрасывал информацию, которая могла стать основой для научных трудов, достойных Нобелевской премии. В ходе эксперимента открылось множество новых физических явлений, свойств и элементов, которые предстояло исследовать. В этом судорожном поиске – так ему показалось – он точно знал, что искал, но найти это пока не удавалось.

Раздался осторожный стук в дверь, и в кабинет заглянул светящийся от радости Филипп.

– Не помешал? Я уже вышел из CERN¹, но тут мне пришла в голову мысль дождаться вас и подвезти домой, – произнес Филипп.

– Что? – растерянно переспросил Клаус. Его мысли были где-то очень далеко. – Проходи скорее, – он не мог оторваться от экрана монитора. – У меня, кажется, не очень хорошие новости.

– Что случилось, мистер Нименд? – Филиппу передалось беспокойство профессора.

– Плохое предчувствие.

– Не томите же, рассказывайте скорее.

– Филипп, думаю, то, что я тебе сейчас скажу, ты не хотел бы услышать никогда.

– Клаус, я полностью вам доверяю. Так что вы хотели сказать?

Филипп крайне редко называл коллегу по имени, но обстановка, в которой они находились, и атмосфера, созданная Клаусом, располагали к более доверительным отношениям.

– Садись, – Нименд указал на стул возле окна. – Слушай и не перебивай. Вчера ночью я рассказал тебе о навязчивом беспокойстве из-за пустотности. Оно небезосновательно, и я тебе сейчас это докажу. Какое явление при проведении нашего опыта всегда вызывало наибольший резонанс в обществе? – Спросил Клаус, пытаясь подтолкнуть Филиппа к быстрому ответу.

– Нууу... – Филипп не стал медлить с ответом. – То, о чем вы сейчас хотите намекнуть, имеет крайне малые шансы на существование. Разве вы не считаете, как и я, что этого не может быть. – Мысли в его голове перепутались.

– Я тоже так думал до недавнего времени. Однако сегодня, видимо, произошел сбой, либо в наших расчетах мы что-то не учли. Теперь я опасаясь, что мои предположения относительно черной дыры подтвердятся. Конечно, сейчас я не смогу предоставить все аргументы, но взгляни на результаты, – Клаус резко придвинулся к тяжелому дубовому столу, на котором стоял большой монитор. Одной рукой он схватил его сверху, пытаясь удержать в нужном положении, второй – тыкал указательным пальцем в дисплей, порой так сильно, что в месте надавливания возникали радужные волны, мешающие разглядеть данные. – Смотри, если поэтапно отслеживать все параметры эксперимента, то в самом финале, когда электроны столкнулись и распались на тысячи элементарных частиц, образовалось что-то еще. Так вот, именно это неизведанное что-то и вмешалось в результаты опыта. Мы впервые столкнулись с этой материей, ведь ее не существует в нашем пространстве, активация произошла благодаря столкновению электронов при использовании высоких энергий. Филипп, вспомни, что предыдущий ускоритель имел в разы меньшую мощность, поэтому не мог затронуть субстанцию, проявляющую себя только при определенных условиях. Боюсь, эти условия мы непреднамеренно воспроизвели.

– Мистер Нименд, я вижу только незначительную погрешность. Думаю, нам нечего опасаться, просто вы слишком впечатлительны, – попытался успокоить профессора Бьянчи.

– Именно в этой погрешности и заключается проблема, о которой я говорю, – Клаус повернулся к Филиппу, надеясь увидеть в его глазах понимание. Он сделал паузу, давая переварить коллеге новую информацию.

Филипп, закусив нижнюю губу, явно задумался над словами профессора.

– Неужели ты сомневаешься в том, что я сказал? – возбужденно поинтересовался Нименд.

¹ Европейская организация по ядерным исследованиям, крупнейшая в мире лаборатория [физики высоких энергий](#).

– Я понял одно – вы опять говорите о том, чего вроде нет, но оно есть при определенных состояниях и условиях, – неуверенно сформулировал свою мысль Филипп, пытаясь не вывести из равновесия взволнованного Клауса.

– Я сам еще до конца не осознал природу явления, но мне кажется, что мы приоткрыли с помощью нашего коллайдера вход в параллельный мир.

– У нас пока мало данных для выдвижения столь смелых гипотез, – спокойно сказал Филипп. Он подошел к окну и приоткрыл форточку.

Свежий холодный воздух ворвался в кабинет. Казалось, солнечный свет проник вместе с ветром, и можно было отчетливо ощутить его запах. Ученые почувствовали прилив сил.

– Вы, действительно, устали, – произнес Бьянчи, уже не боясь обидеть своего гуру. – Вам следует хорошенько выспаться. Идите домой. Если что, я вас прикрою, хотя сегодня на фоне всеобщего праздника никто о вас и не вспомнит. Мистер Нименд, обещаю, пока вас не будет, досконально проверить все данные и доложить вам о них сегодня вечером на фуршете.

Клаус был изможден работой и хроническим недосыпанием. Он внимательно посмотрел на Филиппа, слова которого подействовали на него подобно гипнозу. Покорно согласился, аккуратно собрал документы в коричневый кожаный портфель, оделся и, направляясь к выходу, проронил:

– До встречи на фуршете. И не забудь подготовить отчет обо всех данных, поступивших и обработанных компьютером. Да, кстати, поздравляю с открытием «Частицы Бога». Надеюсь, за этим не последует его кара, ведь мы суем свой нос туда, куда не следовало.

– Спасибо, мистер Нименд, ваш вклад в это открытие неоценим. Не беспокойтесь, все будет сделано в лучшем виде, – снова повеселев, ответил Филипп.

Глава III

Что толку в том, что человек пытается показать нам свою величественную внешность, когда внутри у него пустота?

Будда

– Элиан, ты прекрасно сегодня выглядишь, – немного смутившись, произнес Филипп.

Он всегда испытывал чувство робости по отношению к представительницам прекрасного пола. Большую часть жизни Бьянчи провел за книгами, и терялся, общаясь с реальными женщинами.

Молодая девушка посмотрела на него своими огромными зелеными глазами и с улыбкой сказала:

– Спасибо, Филипп, мне приятно разделить с тобой радость.

Элиан была в длинном вечернем платье цвета морской волны, подчеркивающим ее точечную фигуру. Этот лазурный цвет отражался в ее больших изумрудного оттенка глазах, придавая взгляду невероятную выразительность и гипнотический эффект. Слегка вьющиеся светлые волосы были так аккуратно уложены, что казалось, каждый волосок не остался без внимания парикмахера. Они будто сияли под светом бесчисленных ламп на богатых и очень красивых люстрах под высокими потолками. Как и многим женщинам, Элиан очень хотелось произвести впечатление на окружающих, и ей это удавалось. Она обладала удивительной красотой.

– Начинаю переживать. Многие приглашенные вот-вот забудут, по какой причине они здесь собрались, – пошутил Филипп, не забыв сделать комплимент Элиан. Сразу заметил восхищенные мужские взгляды, обращенные к его спутнице. Они явно не носили научный характер. Конечно, у Филиппа эти взгляды вызвали чувство ревности.

– Как много людей! – удивилась Элиан. – Неужели все они ученые?

– Нет. Здесь присутствуют и политические деятели, и спонсоры, и инженеры. Почти все приглашенные хоть как-то причастны к проекту.

– Расскажи мне об эксперименте. Как все прошло и что будет с ним дальше? – спросила Элиан с надеждой, что основная работа выполнена, и она чаще сможет видеть Филиппа.

– Над проектом трудилось много грамотных специалистов, включая Клауса, поэтому все прошло так гладко. Но работа только начинается, ведь теперь предстоит разобраться с тем, что у нас получилось.

К ним подошел статный молодой брюнет, и Филиппу пришлось прерваться.

– Привет, рад видеть, – как-то фальшиво сказал человек в элегантном черном костюме. На его левой руке красовались дорогие швейцарские часы.

– Сегодня мы уже виделись, – холодно парировал Филипп.

– Я приветствую твою прекрасную спутницу, ты раньше ничего не говорил о ней. Пожалуйста, познакомь нас.

– Стефан, думаю, сейчас не время для знакомств, – в голосе Филиппа послышалось раздражение.

– Ну почему же, совсем наоборот. Сейчас именно тот момент, когда я могу узнать имя этой прекрасной девушки, – сказал Стефан Бриннер, явно нарушая границу приличия и устремив на Элиан похотливый взгляд.

Элиан посмотрела на Стефана. Она поймала себя на мысли, что ей с трудом удается отвести взгляд от его карих глаз, а выразительные брови только усиливали их гипнотическое влияние. Эти глаза подавляли ее волю. Смутившись, девушка нашла в себе силы не думать о Бриннере, но Филипп успел заметить заинтересованность Элиан человеком, который был ему неприятен.

– Думаю, тебя ждут приятели, – Филипп кивнул в сторону группы молодых ученых, стоявших неподалеку.

– Не уходите, – неожиданно попросила Стефана Элиан, – пытаясь исправить неловкую ситуацию, – Филипп представит нас друг другу.

Бьянчи с недоумением посмотрел на девушку, но просьбе подчинился.

– Разрешите представить тебе мою очаровательную спутницу, Элиан Мейер, она не из научных работников.

Язвительным тоном Филипп представил своего коллегу:

– Стефан Бриннер, научный сотрудник Европейской организации по ядерным исследованиям, весьма неглуп, пользуется большой популярностью у женского пола, так что советуем быть с ним осторожнее.

– Очень приятно, – улыбнулась Элиан.

– Я невероятно польщен тем, что имею честь стоять перед вами, – галантно проговорил Стефан.

Бриннер протянул руку девушке, но она, вручив ему бокал шампанского, с усмешкой сказала:

– Остудите свой пыл, мистер Бриннер и позвольте нам продолжить общение с Филиппом.

– Не смею вам мешать. – Стефан начал ретироваться, сделав вид, что не замечает Филиппа.

Не дожидаясь ухода Стефана, Элиан демонстративно приступила к расспросам Филиппа о проделанной им работе. К ним подходили разные люди, которые с нескрываемой радостью поздравляли с удачным экспериментом. Кругом слышался звон бокалов, оживленные разговоры, смех. Элиан и Филипп стояли в конце большого зала, напротив огромных витражных окон, отделяющих его от террасы, с которой открывался восхитительный пейзаж.

– Где же Клаус? – взглянув на часы, спросила Элиан. – Он давно должен быть здесь.

– Да, на него это не похоже. Он всегда выполняет свои обещания. – Было заметно, что Филипп волнуется. – Надо ему позвонить.

Бьянчи принялся пролистывать в телефоне журнал недавних звонков. В это время Элиан почувствовала на себе взгляд Бриннера, стоявшего в другом конце зала. Она сделала вид, что не видит его и быстро отвернулась.

Филипп тщетно пытался дозвониться Клаусу. По обыкновению закусив губу и смотря куда-то вдаль, молодой ученый слушал монотонные длинные гудки, пока автоответчик не сообщил, что абонент не отвечает.

– Я уже начинаю волноваться, – сказал Филипп.

– Ты знаешь, где живет Клаус? – встревоженно спросила Элиан. – Может, нам стоит его навестить?

– Определенно, – согласился Бьянчи. – Переживаю за него. В последнее время здоровье профессора меня очень беспокоит.

Пробираясь к выходу, Элиан умышленно не смотрела на Стефана, боясь столкнуться с его взглядом, в котором было что-то одновременно пугающее и притягивающее.

Покинув торжественный зал, спустившись по мраморным ступеням, они подошли к гардеробной, где Филипп забрал вещи и папку с отчетами для Нименда. На морозной заснеженной улице им удалось быстро поймать такси. Профессор Нименд жил в тридцати минутах езды от ресторана.

Всю дорогу они молчали, изредка обмениваясь взглядами. Необъяснимая грусть читалась в их глазах.

Подъехав к дому Клауса, они увидели его автомобиль. Свет в окнах немного успокоил Филиппа. Миновав слегка запорошенный снегом газона, они подошли к массивной двери, на которой висела металлическая табличка с тесненной надписью «Д-р Нименд Клаус». Филипп

нажал на кнопку звонка. Через несколько минут дверь медленно приоткрылась и показалось осунувшееся лицо Клауса.

– Хорошо, что вы пришли. – голос профессора был скрипучим. – Проходите и не обращайтесь внимания на беспорядок, – я сегодня задумал уборку.

Он был в темно-синем спортивном костюме. Лицо его было серым и от этого казалось еще более изможденным. Очевидно, что он не отдохнул ни одной минуты, после того как покинул лабораторию. Филипп и Элиан ожидали увидеть Клауса в лучшем состоянии – основная работа завершена, и он мог заслуженно позволить себе передышку. На лице Нименда сменялись тревога, растерянность и даже страх. Движения его были неловкими. Профессор явно радовался приходу своих друзей, но что-то мешало ему сосредоточиться на их приеме.

В просторном холле они подождали, пока Клаус сообразит, в какой комнате лучше всего их принимать. Почему-то Нименд провел Филиппа и Элиан в свой рабочий кабинет. Это была просторная комната, с огромным окном, возле которого стоял массивный письменный стол. Клаус пригласил гостей расположиться на удобном кожаном диване, перед которым разместился изящный стеклянный журнальный столик. Извинившись, профессор попросил Филиппа и Элиан немного подождать, – ему надо было завершить какие-то важные дела, прерванные их визитом. Молодые люди почувствовали себя неловко. Они явно пришли некстати. Впрочем, тревога не оставляла Филиппа. Ему показалось, что профессор ведет себя несколько странно.

Филипп прошептал девушке:

– Я очень переживаю – в последнее время Клаус совсем сдал. Он не похож на себя. Что-то с ним случилось.

Филипп аккуратно достал из папки документы с отчетами и разложил на журнальном столике так, чтобы профессор мог сразу получить информацию о показаниях, снятых с приборов, и расчеты вычислительной техники, которая до сих пор обрабатывала поступившие данные. Филиппу захотелось поделиться с Элиан впечатлениями об исследованиях, над которыми они с профессором работали уже несколько лет, но тут со второго этажа донесся шум. Поначалу Филипп и Элиан не придали этому значения. Клаус всегда неохотно рассказывал о своей личной жизни, но Филипп знал, что у Нименда есть ребенок. Жена профессора погибла несколько лет назад и малыш основное время проводил с родителями Клауса. Еще Филиппу было известно, что мальчику невероятно сложно подобрать сиделку, по какой причине, – никто не знал.

Только через сорок минут, молодые люди, успевшие заскучать, увидели Клауса. Он вошел в комнату уже в привычной одежде. Костюм был немного великоват, явно его купили до того, как работа вымотала Нименда, но профессор выглядел в нем элегантно.

– Простите, это мой сын устроил такой шум, – начал оправдываться Клаус.

– Он живет с вами? – удивился Филипп.

– Да, в своей комнате.

– Это замечательно! – воскликнула Элиан.

Она любила детей. Общение с ними приносило ей огромное удовольствие. Ей сразу захотелось познакомиться с сыном Клауса.

– Друзья, – сказал Клаус, – могу предложить вам мой фирменный кофе или великолепный индийский чай.

– Нет, – решительно отказался Филипп, – мы приехали узнать, почему вас не было на фуршете.

– Мне хотелось бы извиниться за этот вечер, – голос Клауса звучал глухо. – Непредвиденные обстоятельства. Сегодня мне пришлось забрать сына домой, мои родители были вынуждены срочно уехать по делам. Обещали завтра быть у меня. Сиделка, которая работала у них и присматривала за сыном, внезапно взяла отгул.

– Но почему вы не отвечали на телефонные звонки и не предупредили меня об этом? – спросил Филипп.

– Так вышло. Когда забирал сына, где-то нечаянно выронил мобильный. Весь вечер пытался найти, но безуспешно. Простите меня, мои дорогие друзья.

– Вам не за что извиняться, господин Нименд, главное, что с вами и вашими близкими все в порядке, – сказала Элиан с улыбкой.

– ОК! Профессор, я привез отчеты, можете ознакомиться, если это уместно в данное время.

– Конечно, уместно. Немедленно приступаю.

Клаус бегло просмотрел предварительные отчеты, сопоставил с предыдущими, отложил в сторону и взял следующие. Их он изучал более внимательно и нашел, судя по выражению лица, ошибку или опечатку. Профессор хмурил брови и покачивал головой из стороны в сторону, он явно был чем-то не доволен.

Филипп не мог понять, что именно выискивает коллега, но никаких вопросов не задавал. Элиан рассматривала детали комнаты, в которой они находились. Особенно ее заинтересовали картины на стене – пейзажи и океан. Ей стало скучно. Мужчины не обращали на нее никакого внимания. Элиан вспомнила, что в доме ребенок и, по всей видимости, он один. Женское любопытство и любовь к детям не позволили ей задержаться в комнате, полной физических и математических формул. Она тихонько направилась к выходу.

Глава IV

*Не потому человек выше других существ,
что бессердечно мучает их, но потому,
что он сострадателен ко всему живому.*

Будда

Девушка открыла массивную деревянную дверь и оказалась в том же просторном холле. Остальные двери были плотно закрыты. Красивая резная лестница в правом углу вела на второй этаж. Осмотревшись, Элиан была приятно удивлена, как аккуратно и со вкусом выглядел вычурный интерьер дома Нименда – человека, большую часть своего времени проводившего на работе. Каждая вещь в доме соответствовала другой, стояла в определенном месте. Такой порядок в доме мог поддерживать только педантичный человек. Элиан нравились предметы интерьера, она подумала, что никогда бы не смогла навести в своей квартире такой идеальный порядок. Казалось, что дом готов к встрече важных гостей. Приоткрыв одну из массивных дверей, она увидела очень просторную столовую, в которой вся мебель и предметы кухонной утвари находились исключительно на своих местах. Элиан не могла понять, в чем заключается секрет изумительного порядка. Это была гармония линий и нечто необыкновенное. Девушка не смогла перебороть любопытство и вошла в столовую. Ее давно интересовала жизнь человека, которого многие считали гением. Она многого не понимала в экспериментах Клауса Нименда, но осознавала значимость его работы для всего человечества. Филипп часто говорил Элиан о неоспоримом научном авторитете профессора. Он пытался объяснить ей доступным языком все природные явления и процессы, на которые они пытались повлиять.

Рассматривая кухонную утварь и мебель, Элиан не переставала удивляться. Ей даже показалось, что тени, которые отбрасывают все эти предметы, какие-то особенные. Под каждым предметом – стулом, столом, чашкой – четко вырисовывались их контуры. Она отступила на несколько шагов в сторону, думая, что просто игра света создает волшебную иллюзию. Все элементы освещения – множество врезных потолочных светильников – странным образом были вмонтированы в потолок. Ее поразило, что эти источники света, расположенные в хаотичном порядке, чудесным образом, создавали строго пропорциональный рисунок, как только она оказывалась у стола. Свет от каждого светильника был направлен под строго определенным углом относительно другого, и возникало ощущение, что Нименд, таким образом, хотел создать некую игру, подвластную только ему. Он один, досконально изучивший все законы физики, мог легко и непринужденно заставить световые волны ложиться определенным, нужным ему, образом. Элиан осторожно приподняла одну из тарелок, чтобы убедиться в своих догадках, и снова была шокирована – под ней был вырисован ее контур, указывающий должное месторасположение предмета. Строго обозначенное место было вычерчено с помощью простого карандаша, с более толстым грифелем. Вокруг ножек стола она тоже увидела контуры. На столе, где располагалась посуда, вокруг тарелок и кружек – круги, с точным расположением предметов.

Элиан получила неплохое образование в области психологии. Она была умной и проницательной девушкой и могла допустить, что великим ученым, подобным Клаусу, позволено иметь странности. Каждый гениальный ученый, приблизившийся к предельным знаниям в своих областях, часто имеет особенности, совершенно непонятные обычным людям.

Элиан, попытавшись вернуть тарелку на место, неожиданно услышала доносившийся звук, со второго этажа. Она вздрогнула, тарелка съехала в левую сторону, а девушка испытала чувство тревоги и страха от неизвестности. Повторился монотонный глухой стук, который она впервые услышала в кабинете Нименда. Но что-то в нем было неестественно. Играя, дети часто затевают только им понятное действие. В данном случае этот продолжительный, совершенно

однотипный стук заставил ее подумать, что живой и здоровый ребенок не станет заложником странной игры, в правилах которой механическое воспроизведение одного и того же звука. Она решила подняться на второй этаж, увидеть сына профессора и выяснить, что там происходит на самом деле.

«Как много странностей за один вечер», – подумала Элиан. Она не могла избавиться от чувства страха, пробежавшего колючими мурашками по телу.

Поставив тарелку на место, Элиан аккуратно, словно боясь создать вихревые потоки воздуха, которые могли бы нарушить эту невероятную гармонию, направилась обратно в холл. И там она обнаружила контуры под всеми предметами.

Элиан стала искать лестницу на второй этаж. Все ее плавные движения напоминали какое-то грациозное животное, семейства кошачьих. Иногда казалось, что Элиан сдерживает дыхание, чтобы быть еще тише. Вот и лестница. Она едва касалась ступеней, парила над ними. Поднявшись на второй этаж, она увидела четыре деревянные двери. На одной было обозначение ванной комнаты. За следующей дверью, как предположила девушка, была спальня. На третьей двери красивыми, коваными буквами с позолотой было написано – Mathias Nimend. Она сразу догадалась, что сына Клауса зовут Матиас. Подойдя вплотную к двери, Элиан попыталась уловить хоть малейший звук, но ничего не услышала. За дверью царил мертвая тишина. Девушка подняла руку, чтобы постучать, но вдруг до нее донесся едва различимый звук. Глухой, одинаковый по ритму и громкости. Элиан не могла представить, кто бы смог его воспроизвести. Замерев с поднятой рукой, наклонившись к двери, она простояла так несколько минут в надежде услышать что-нибудь еще, но напрасно. «Похоже, странности этого вечера еще не закончились». – Подумал Элиан. Чувство любопытства не давало ей покоя.

Наконец-то девушка решила постучать в дверь. Затаив дыхание, она терпеливо ждала, что ей предложат войти, но снова услышала тот же самый стук. То, что его издавало, никак не реагировало на ее присутствие.

– Матиас, – громким, но нежным голосом спросила Элиан, – можно войти? – Эта интонация нравилась малышам, которые неохотно расставались с родителями, когда их приводили в детский сад. Возможно, голос был одним из многих качеств, за которые дети ее обожали.

Ответом Элиан был монотонный звук, который, как ей показалось, исходил не от живого существа, а какого-то механического устройства. Тогда девушка решила приоткрыть загадочную дверь, чтобы наконец удовлетворить свое, все нарастающее любопытство. Как только она взялась за золоченую ручку и была готова приоткрыть дверь, снизу прозвучал настойчивый голос Клауса:

– Элиан! Ты наверху?

Девушка мягко и тихо убрала руку с дверной ручки:

– Да, мистер Нименд, я наверху. Со мной все в порядке.

Внизу ее ждали Клаус и Филипп с озабоченными лицами. Их тревожные взгляды объединял легкий румянец на щеках. Мужчины явно были чем-то очень взволнованы.

– Простите, мне следовало спросить разрешения, мистер Нименд, – попыталась оправдаться Элиан.

– Все в порядке, мы так увлеклись работой, что забыли про тебя. Это моя вина. Я мог бы дать тебе альбомы с произведениями моих любимых художников, но совершенно потерял голову, когда Филипп предоставил последние данные вычислительных центров лаборатории.

– Не стоит извиняться, – робко ответила Элиан, все еще чувствуя вину за столь бесцеремонную попытку вторгнуться в частную жизнь гениального ученого.

– Элиан, нам пора, – решительным тоном произнес Филипп. – Мистеру Нименду необходимо остаться одному, чтобы завершить аналитическую работу, которую я ему подкинул. Кроме того, у него есть еще домашние дела, отложенные из-за нашего визита.

– Да, конечно, – сразу же согласилась Элиан. Девушке не терпелось обсудить все увиденное и услышанное в этом странном доме с Филиппом наедине.

Молодые люди, спешно надев верхнюю одежду, направились к выходу, Клаус сопровождал их до самой двери. Переступая порог дома, они снова слышали тот же не меняющийся звук, глухо и с тем же ритмом доносившийся со второго этажа. Клаус смутился. В его действиях просматривалось желание побыстрее распрощаться, освободиться от потенциальных вопросов, на которые ему не хотелось отвечать. Сделав вид, что ничего не произошло, Филипп и Элиан покинули дом профессора. На улице их уже ожидало такси, которое Филипп вызвал незадолго до окончания визита. Клаус, закрыв за гостями дверь, поднялся на второй этаж и направился к комнате с надписью Mathias Nimend.

Глава V

*Одно полезное слово, услышав которое становятся спокойными,
лучше тысячи речей, составленных из бесполезных слов.*

Будда

Элиан не терпелось обсудить с Филиппом их визит, чтобы хоть немного приоткрыть завесу над тайнами, с которыми ей пришлось столкнуться этим вечером. Сейчас она была похожа на ребенка. Ребенка, для которого каждый прожитый миг воспринимался открытием чего-то нового. Филипп был молчалив, неохотно отвечал на вопросы, но делал, это как всегда, тактично и мягко, пытаясь не обидеть любимую. Элиан чувствовала, что сейчас не самое подходящее время для вопросов, но женская любознательность не давала ей покоя. Она чувствовала себя ребенком, желающим узнать истину. Филипп кратко отвечал на вопросы. Сегодняшнее общение с Клаусом сильно повлияло на него. Рядом с Элиан сидел не жизнерадостный молодой человек, а замкнутый юноша, отрешенно отвечающий на ее вопросы.

Но Элиан не унималась.

– Филипп, ты был у Клауса раньше? Ты что-то замечал необычное в интерьере его дома? Ты знаком с его сыном? Почему Клаус не познакомил нас с ребенком? Что это за странные контуры вокруг каждого предмета в доме? – Элиан никак не могла успокоиться.

Филиппа совсем не интересовали эти странности. Мысли его витали где-то далеко. Что-то очень беспокоило Бьянчи, но это было вовсе не то, о чем спрашивала Элиан. В эти минуты он думал о более глобальных вещах, связанных с результатами предварительных отчетов, которые они обсуждали с Клаусом, пока Элиан бродила по дому профессора. Филипп вспоминал слова Клауса об их эксперименте.

Погода начала портиться, и крупные капли дождя упали на лобовое стекло автомобиля. Филипп, сидевший рядом с водителем, замороженно смотрел на окно, по которому, словно рыдая, стекали струйками слезы природы. Даже она в эти минуты, казалось, понимала – то, что натворили ее дети, совершенно не тянуло на невинные шалости. Природа горевала и посему плакала.

Мозг Филиппа работал на пределе возможностей. Он до последнего отказывался верить в то, что пытался ему растолковать Клаус. Несколько раз мысленно молодой ученый проходил эксперимент от начала до конца, но слова профессора продолжали бесцеремонно врезаться в ход его мыслей. На весах сомнения перевешивали попеременно здравый смысл и авторитет гениального ученого, то и дело, подкладывая на одну чашу сухие расчеты, а на другую – вездесущую погрешность, имеющую право на существование везде и во всем. Чувство тревоги, поглотившее Клауса, передалось Филиппу.

Элиан продолжала задавать любимому вопросы, а он отвечал автоматически, пытаясь скрыть свое состояние. Слишком много загадок и непонятных вещей произошло сегодня за один вечер.

Машина остановилась возле дома Филиппа и Элиан. Бьянчи расплатился с водителем, и когда тот брал деньги, у Филиппа возникло ощущение дежавю. Он и раньше его испытывал, как и большинство людей, но сейчас оно было необычайно сильным. «Это уже было! – промелькнуло в голове у Филиппа. – Эта же рука и этот глубокий рубец на правой кисти над большим пальцем, этот же взгляд!»

У Филиппа заняло под ложечкой, он сделал несколько глубоких вдохов и вышел из автомобиля. Несколько глотков свежего сырого воздуха помогли прийти в себя. Следом из такси выпорхнула девушка.

– С тобой все в порядке? – взволнованно спросила Элиан. Интуиция ее никогда не подводила. Хотя на этот раз, даже самый толстокожий и равнодушный человек заметил бы, что

с Бьянчи происходит что-то необычное. Он выглядел подавленно. Элиан никогда раньше не замечала у Филиппа подобного настроения. Почти всегда улыбающийся юноша, сегодня выглядел чернее грозовой тучи. Его состояние не могло не беспокоить девушку.

– Все в порядке, – быстро ответил Филипп. Но его душевные переживания – глубокие раздумья, которые он не хотел показывать, предательски проявлялись в его жестах, мимике и голосе. Человеку, который не привык жить в унынии, сложно прятать свои чувства от окружающих. Он не умел скрывать негативные эмоции, ведь прежде в этом не было необходимости.

Поднимаясь по ступеням, Филипп явно радовался, что они уже в своем доме. Элиан взяла его за руку, и вот они уже на третьем этаже перед своей дверью. Молодые люди в своей просторной квартире с огромными панорамными окнами сразу ощутили умиротворение. Им хотелось принять душ, выпить ароматного чая и завалиться в большую мягкую постель. День выдался невероятно сложным.

Элиан знала, какую необходимо оказать поддержку возлюбленному.

– Сегодня какой-то особый день, да? – шепотом спросила девушка.

Филипп устало посмотрел на нее, слегка улыбнулся и начал потихоньку приходить в себя.

– Да, Элиан, сегодня удивительный день. Я, конечно, ожидал, что он будет не такой как все, но чтобы настолько... Нам сегодня пришлось многое пережить и о многом подумать, особенно Нименду. Как ему сейчас, невозможно представить. Мы совершили масштабное исследование, но он обнаружил ошибки и очень переживает, что они окажутся фатальными для эксперимента.

– Почему Клаус не позволил мне заняться его ребенком? – спросила Элиан. Она считала себя рожденной для того, чтобы заботиться о детях.

– Я не знаю почему. Возможно, Клаус не хочет никого посвящать в свою личную жизнь. В лаборатории знают, что у него непростой ребенок.

– Что значит непростой? Все дети непростые, – возмутилась Элиан. – К тому же мы не чужие люди Клаусу. Для меня работа с детьми – удовольствие. – И снова в ее голосе послышалось обида.

Девушка, укутавшись в плед, сидела в уютном, мягком кресле. От большой кружки в ее руках исходил невероятно приятный аромат только что заваренного чая. Она не понимала, что происходит, и хотела быть полезной в разрешении той ситуации, которая сложилась.

Время близилось к полуночи, но события прошедшего дня неумолимо цеплялись впечатлениями за сознания молодых людей. Филипп и Элиан, устроившись поудобнее в креслах, продолжали обсуждать пережитое.

– Что ты думаешь насчет опасений Клауса? – спросила Элиан.

– Все очень сложно. Однозначного ответа нет, – ответил Филипп, уставившись в огромное темное окно. Он смотрел в черную пустоту и думал о ничтожных цифрах, о которых говорил Клаус. – Понимаешь, в квантовой физике на сегодня мы имеем больше вопросов, чем ответов, и никто не знает, какой сюрприз она преподнесет нам в очередной раз. Мы постоянно сталкиваемся с различного рода противоречиями и поистине фантазмагорическими открытиями, в результате которых наука задает нам новые вопросы. Если перефразировать одно из известных изречений, я бы сказал так: «Квантовая физика, описанная математикой и словами, не является квантовой физикой». Это всего лишь наше суждение о ней, но никак не полное понимание процессов, происходящих внутри, – Филипп словами Клауса попытался объяснить Элиан сложность науки, которой они занимаются. – Вот, к примеру, элементарный принцип полураспада радиоактивного вещества. Заметь, не период распада, а именно полураспада. Мы живем в мире, где есть начало и конец, причем у всего, помимо космоса, он не в счет. В квантовой физике все наоборот, бесконечность и вероятность преобладают. Вернемся к полураспаду. Если объяснить простым языком, то мы знаем, что за определенное время радиоактивное вещество отдаст ровно половину своих электронов или протонов, в зависимости от излучения.

По истечении этого периода времени вещество снова отдаст половину частиц от оставшегося количества, потом снова и снова, и так каждый раз, ровно половину. А теперь представь, что этот процесс будет происходить бесконечно. Разумеется, можно возразить, что любое вещество имеет определенное количество частиц, их можно посчитать, а что имеет счет, то уже не бесконечно. Да, это так. Однако наступает время, когда теоретически остается один атом радиоактивного вещества, который должен отдать за период полураспада, допустим, это тысяча лет, один электрон или протон. Сможем ли мы с уверенностью сказать, когда именно этот атом отдаст свою частицу? Через какой промежуток времени? И почему именно этот атом остался на протяжении всех тысяч и тысяч лет полураспада? Может, это произойдет через мгновение? Возможно через миллион лет. И тут вступает в действие такое понятие, как вероятность. С вероятностью в пятьдесят процентов нам известно, что этот атом распадется или не распадется. Не знаю, насколько я доступно изложил тебе это явление, но смысл в том, что, имея дело с квантовой физикой, мы имеем дело всего лишь с вероятностью. Поэтому и в данном случае я отдаю все на волю вероятности – да или нет.

– Хорошо, что я занимаюсь детьми, и мне не приходится высчитывать какие-то там вероятности и периоды с полупериодами, – улыбнувшись, сказала Элиан.

Филипп иногда безуспешно пытался объяснить девушке загадочные факты своей работы. Очень хотелось удивить Элиан. Но каждый раз, начиная увлеченно о чем-то рассказывать, он вспоминал, что девушка не разбирается в квантовой физике. Кто-то занимается физикой, а кто-то психологией и педагогикой. Филиппу очень нравилась Элиан, не разбирающаяся в квантовой физике.

– Уже поздно, у нас был непростой день, – напомнила Элиан. Эмоциональная лекция Филиппа подействовала на нее как снотворное. Тяжелый день затянулся далеко за полночь.

– Пора спать, – предложила Элиан.

Глава VI

*Каждое утро мы рождаемся вновь.
И то, что мы сделаем сегодня,
и будет иметь наибольшую важность.*

Будда

Лучи утреннего солнца заполнили комнату, в которой спали Филипп и Элиан. Вчерашняя скверная погода, напоминающая состояние Клауса и Филиппа, сменилась прекрасным морозным утром. Огромные панорамные окна с жадностью впускали солнечные лучи. Первой проснулась Элиан, ей досталось большее количество ультрафиолета, пытавшегося просочиться сквозь стекло. Открыв глаза, девушка улыбнулась, прищурилась и попробовала найти место на подушке, куда не добрался солнечный свет. Не получилось, и тогда Элиан решительно встала с кровати и отправилась в ванную комнату. Пока она принимала душ, проснулся Филипп.

Несмотря на короткую ночь, молодые люди проснулись отдохнувшими. Вероятно, хорошая погода благотворно повлияла на их самочувствие и настроение. Филипп приготовил бодрящий ароматный кофе.

Он разлил кофе по чашкам, и Элиан поторопилась сделать первый утренний глоток. Влюбленные встретились взглядами, улыбнулись друг другу и стали наслаждаться божественным древним напитком.

Первой заговорила Элиан:

– Хорошее начало дня, не правда ли? – Ее большие зеленые глаза показались Филиппу лазурными и бездонными.

– Да, – ответил он.

– Ты похож сейчас на загипнотизированного кролика, – сказала Элиан, громко рассмеявшись. Девушка отсела от Филиппа, давая ему возможность выйти из оцепенения. Филиппа сейчас был похож на ребенка.

– Да, – повторил Филипп, – сегодня невероятное утро. Мы должны встретиться с Клаусом. Я опасаюсь за его здоровье.

– Мы это сделаем незамедлительно, – весело и уверенно произнесла Элиан.

Они быстро допили содержимое своих чашек и побежали одеваться.

В телефоне Филиппа звучали длинные гудки. И, когда ему показалось, что должен включиться автоответчик, он услышал бодрый голос Клауса. Вероятно, хорошая ясная погода произвела и на профессора свое действие.

– Доброе утро, мистер Нименд. Надеюсь, сегодня вы в более оптимистическом настроении? – спросил Филипп, ожидая услышать положительный ответ.

– Доброе утро! Нам надо встретиться в лаборатории и обсудить дополнительные результаты исследований. Надеюсь, они будут более ожидаемые, чем те, которые ты привез вчера.

– Хорошо, мистер Нименд. Не возражаете, если я подъеду с Элиан? Сегодня она точно не пропустит встречу с вами. Начало ее отпуска совпало с событиями, которые могут изменить все, и я не решаюсь предположить, какое из них для нас будет более значимым, – произнес Филипп улыбаясь.

– Конечно. Только скажи Элиан, что у нас с тобой будет еще меньше времени, чтобы уделять ей внимание, – предупредил Клаус.

– Не волнуйтесь, она прекрасно понимает важность нашей работы. До встречи, мистер Нименд.

Филипп подал пальто Элиан, и они вышли из дома. Они еще не знали, что принесет им наступивший день.

В новеньком спортивном автомобиле Филиппа было комфортно. Элиан удобно расположившись на переднем сиденье, пребывала в прекрасном расположении духа и на ее красивом лице часто появлялась улыбка. Ясное небо и тихая солнечная погода предвещали хороший день. Когда молодые люди вышли из автомобиля и направились к зданию лаборатории, Элиан произнесла с улыбкой: «Дорогой, как ты думаешь, у меня сегодня получится пролить хоть чуточку света на загадки, которые нам задала последняя встреча с Клаусом?»

– Милая, – прозвучал ответ Филиппа, – я очень надеюсь, что сегодняшняя встреча будет кардинально отличаться от вчерашней, но все равно попрошу тебя быть тактичной и внимательной с Клаусом. Он сейчас на пределе психоэмоциональных возможностей. Ты должна понимать, какие вопросы ему можно задавать. Некоторые из них я советую отложить до более удобного случая.

– Конечно, я все понимаю, – ответила Элиан.

Подходя к двери с табличкой Klaus Nimend, Филипп снова ощутил легкую тревогу, словно она просачивалась из рабочего кабинета Нименда и невидимым эфиром распространялась вдоль коридора.

«Как все это странно, – подумал Филипп. Он никогда прежде не был подвержен таким эмоциям. Как будто что-то неразрывное связывало его с Клаусом. Последние дни Бьянчи чувствовал себя почти родственником Нименда. – Наверное, подобные чувства испытывают однояйцевые близнецы».

Невидимая связь, эмоциональная и психическая, установилась между, на первый взгляд, совершенно разными людьми. И что конкретно послужило такой удивительной синхронизации, Филиппу предстояло выяснить в ближайшее время.

Предварительно постучав, Филипп и Элиан вошли и увидели Клауса за рабочим столом, полностью погружившимся в работу с документами. Он взглянул на них и быстро произнес:

– Доброе утро. Проходите, располагайтесь, секретарь сейчас принесет нам напитки.

– Спасибо большое, – поблагодарила Элиан. Они отказались от напитков и тихо пристроились на кожаном диване.

Нименд через несколько минут попросил Филиппа присесть рядом, чтобы тот посмотрел данные, снятые сегодня утром с датчиков.

– Элиан, ты можешь пока полистать журналы или посмотреть на мои цветы. На днях один из моих любимых решил расцвести, невзирая на зиму, – Клаус старался выглядеть бодрым и веселым. Нежное и красивее лицо Элиан благотворно влияло на ее собеседников мужчин.

Цветок, походивший на огромный куст с большими темно-зелеными сочными листьями, и вправду расцвел в подходящее для этого время года.

– Это гибискус, – с умилением произнесла Элиан. Подойдя к цветку, она нежно дотронулась до листьев тыльной стороной ладони. – Не беспокойтесь, мистер Нименд, я найду себе занятие. Не обращайтесь на меня внимания и занимайтесь своими расчетами. А цветы у вас замечательные.

Разумеется, ей очень хотелось получить ответы на вопросы, которые ее мучили со вчерашнего вечера. Оставив попытки удовлетворить свое любопытство, она принялась рассматривать цветы. Элиан приготовилась внимательно слушать, о чем будут беседовать Клаус и Филипп.

Бьянчи внимательно слушал объяснения профессора.

– Обрати внимание на эти данные, – Клаус протянул Филиппу лист, от начала до конца исписанный формулами. – Это то, что наглядно показывает, казалось бы, незначительную составляющую, перевернувшую мою жизнь. Я хочу, чтобы эта информация наложила отпечаток только на мою жизнь. Филипп, ты прекрасно понимаешь, какие последствия влекут эти необратимые и неуправляемые процессы. Даже столь ничтожные. – Голос Клауса звучал по-

особенному четко и звонко, будто он хотел обратить внимание на каждое слово, и ему явно хотелось загладить вину за то, что произошло.

Филипп быстро понял все то, что хотел донести до него Клаус. Профессора волновало незначительное отклонение от расчетов, сделанных до начала эксперимента. Бьянчи отличался невероятной проницательностью, поэтому данные, которые он увидел, насторожили его. Все расчеты указывали на то, что при проведении опыта произошел сбой. То, что он видел на бумаге, не имело отношения к физическим корпускулярным явлениям. Это выходило за рамки традиционной квантовой физики. Ни с чем подобным не сталкивался близко ни один ученый в мире. Возможно, в теории подобные гипотезы выдвигались, но с ними в реальности не сталкивался никто. Ни один ученый в мире, занимающийся квантовой физикой, не хотел бы увидеть того, что увидели Клаус и Филипп.

– Клаус, с помощью ускорителя мы воспроизвели антивещество, которое находится в стабильном состоянии. Но как это возможно? Если это так, оно начнет активно взаимодействовать с веществом и тогда...

– Да, – сухо ответил Клаус, – это именно то, что я пытался донести до тебя вчера.

– Но вчера не было достаточно данных для таких выводов, – попытался оправдаться Филипп. – Нам известно, что временные промежутки с момента появления и исчезновения антивещества несоизмеримо малы, причем их состояние невозможно назвать стабильным. А тут мы видим обратное, да еще и с относительно большими массами и временными показателями.

– Мой дорогой друг, я занимаюсь наукой много лет, и поверь, первые доводы, связанные с нашими исследованиями, приходят ко мне не путем сложных математических вычислений, а благодаря интуиции.

Внимательно слушая двух увлеченных людей, поглощенных наукой, Элиан невольно испытывала огромное разочарование. Вместо утоления любопытства, она получала порцию новых для нее вопросов. Услышав множество загадочных терминов, и не имея возможности включиться в беседу, она понимала, что прерывать ученых нельзя. Элиан попыталась вникнуть в суть беседы, извлечь крупицу истины в диалоге Филиппа и профессора. Впервые она с интересом слушала то, о чем раньше ей говорил Филипп. Элиан поняла, что речь идет о невероятно масштабном научном исследовании, которое пошло не по плану. Ее испугали слова профессора, что масштабы ошибки очень велики, а для ближайшего будущего – катастрофичны. О каком масштабе погрешности шла речь, она не поняла. Мужчины не называли конкретных дат, как и возможных последствий.

Филипп извинившись, встал из-за стола. Нужно было отдохнуть, сменить обстановку. Он вышел в коридор. Бьянчи хотелось поговорить с сотрудниками лаборатории, чтобы выяснить: только они с Клаусом так беспокоятся из-за результатов исследования, или их коллеги тоже не находят себе места.

Клаус остался в своем кабинете. Он решил ознакомиться с новыми показателями датчиков.

Элиан хотелось верить, что Филипп вышел из кабинета, чтобы предоставить ей возможность пообщаться с Клаусом наедине. Такого шанса она упустить не могла. Элиан ждала удобного случая начать разговор. Удача ей сопутствовала. Нименд на мгновение отвлекся, чтобы потереть уставшие глаза. Элиан, собравшись с духом, обратилась к нему:

– Мистер Нименд, извините, что отвлекаю вас, но мне так интересно узнать над какой проблемой вы сейчас бьетесь?

У Элиан накопилось много вопросов к профессору. Она и не знала, что ее интересует сейчас больше – разговор Филиппа и Клауса, или же странные события, произошедшие днем ранее в доме Нименда. И все-таки она начала с вопроса об эксперименте. Вопрос о личной жизни Клауса, оставив на потом.

– Мистер Нименд, что значит антивещество, вступающее во взаимодействие с веществом? Насколько это может быть опасно?

– Видишь ли, милая Элиан, – Клаус сделал паузу. – Если говорить простым языком, то в квантовой физике есть такие понятия, как вещество и антивещество. Чтобы не усложнять мой ответ и не излагать тебе весь курс квантовой физики, я открою тебе тайну. Вся Вселенная поделена на вещество и антивещество, это некая субстанция, малоизученная, так как не обладает привычными для нас свойствами. Бытует гипотеза, что у всего вещества во Вселенной есть точно такой же двойник из антивещества. Даже у тебя, дорогая Элиан, где-то в бесконечных просторах Вселенной отыщется сестра-близнец, только она из антиматерии. При взаимодействии вещества и антивещества происходит аннуляция одного и второго. Это как соединить разные заряды – плюс и минус, в результате получится ничто, то есть ноль. При слиянии эти две субстанции попросту уничтожают друг друга. Происходит аннигиляция. Все просто, не так ли? – продолжил Клаус. – Теперь, что касается нашей с Филиппом обеспокоенности результатами исследования. Данные, которые мы постоянно получаем с высокочувствительных датчиков, указывают на то, что это – стабильное антивещество. И оно начинает взаимодействовать со всем, до чего может добраться, пожирая все вокруг. Пока мы это наблюдаем только посредством считывающих устройств, подающих информацию с места события. Что нас больше всего беспокоит? Мы не были готовы к такому повороту. Все предварительные расчеты указывали на невозможность этого, но датчики сообщают обратное. Мы с Филиппом пытаемся выяснить, что повлекло столь неожиданные явления и возможно ли их устранить. Кроме того, уничтожение вещества антивеществом – процесс необратимый и растущий даже не в геометрической прогрессии. Мы своими практическими исследованиями смогли сотворить в лабораторных условиях совсем маленькую, можно сказать микроскопическую черную дыру, и самое ужасное, что она стабильна и находится всего в нескольких сотнях метрах от нас.

Элиан попыталась осмыслить все, что сказал ей Клаус. Она с трудом представляла процесс аннигиляции, да и черную дыру ее воображение рисовало весьма абстрактно. Что-то вроде обычного черного круга на бумаге. Девушка сопоставила ее с известной картиной художника Малевича. Вместо дыры или круга он нарисовал квадрат. От того с каким волнением Клаус рассказывал о случившемся, ей стало не по себе. Если отбросить наивные представления непьющего человека о возможном масштабе катаклизма, можно ощутить всю безысходность сложившейся ситуации. Элиан охватило беспокойство. Беспокойство за Филиппа и Клауса, за всех детей и все человечество. Ей, излучающей жизненный свет и надежду, сделалось очень тоскливо. У нее был сильный характер, несмотря на нежный и хрупкий вид. Элиан задала Клаусу, наверное, самый сложный вопрос:

– Как это можно исправить?

И тут резко распахнулась дверь кабинета и один из сотрудников лаборатории сообщил:

– Мистер Нименд, вам необходимо срочно пройти к месту проведения эксперимента и взглянуть на то, что там происходит! – тон был невероятно взволнованным, голосовые связки дрожали, хотя он упорно пытался скрыть свой страх.

Элиан взглянула на Нименда и поняла, что разговор откладывается на неопределенное время, но она надеялась, что когда-нибудь он состоится.

Глава VII

*Глупо думать, что кто-то другой может
сделать тебя счастливым.*

Будда

Филипп, выйдя из кабинета Нименда, тяжело вздохнул. Ему необходимо было перевести дух. Бьянчи всегда жизнерадостный и веселый, не мог долго выдерживать гнетущего настроения профессора. Такое количество пессимизма было чересчур даже для Филиппа. Нужно прийти в себя.

«Если вырваться из круговорота негативных мыслей и удручающих данных, то скорее удастся исправить совершенные ошибки, и найти решение, как изменить ситуацию», – размышлял Филипп.

Бьянчи не заметил волнения на лицах других сотрудников лаборатории. Возможно, информация Клауса была ошибочной. Субъективным мнением утомившегося от работы человека. Филипп очень на это надеялся. Его мысли успокоились, словно он имел внутренний камертон, которым при необходимости мог в любую минуту воспользоваться. Привести мысли и нервную систему в гармоничный строй. Молодой человек решил в буфете побаловать себя ароматным кофе и вкусным пирожным. Кстати, легкий перекус, тоже относился к личной системе настройки внутреннего самочувствия. Филипп радовался, что ему удалось оставить Элиан наедине с Клаусом. Пусть теперь он отбивается от ее вопросов, которыми она изводила его со вчерашнего вечера.

Неожиданно Бьянчи увидел Стефана Бриннера. Он шел с очаровательной молодой девушкой, чему Филипп совсем не удивился. Прекрасно сложенный, с правильными чертами лица Бриннер всегда пользовался популярностью у слабого пола. Его четко обрисованные скулы, длинные, идеально изогнутые, брови, черные волосы и похожий на взгляд дьявола искушающего свою жертву, не оставляли никаких шансов прекрасной половине человечества. Казалось, что Стефан на девяносто процентов состоит из тестостерона. Филипп всякий раз пытался избавиться от мыслей, которые посещали его при виде Бриннера. Нет, он не завидовал и не осуждал Стефана за то, что тот мог позволить себе легко заводить отношения с любой девушкой, испытывающей восторг при виде великолепного тела Бриннера. В прочем, Стефан был столь же умен и харизматичен, сколь и обаятелен. Именно это задевало мужское самолюбие Филиппа. Возможно, это была банальная зависть, с затронутым мужским эго. Бьянчи не решился признаться в этом даже самому себе, поэтому испытывал смешанные чувства несправедливости и жалости к своей скромной персоне.

Филиппу совершенно не хотелось встречаться с этим типом. Он сумел настроиться на позитивные мысли, и его самочувствие начинало приходить в норму. Но Стефан, заметив Филиппа, сделал вид, что обрадовался встрече.

– Филипп, – спросил он, – ты уже ознакомился с результатами последних исследований?

– Да, – ответил Филипп, – мы с Нимендом обсудили параметры, которые выдали детекторы.

– Есть мысли по этому поводу? – спросил Стефан.

– Пока нет никаких выводов – сказал Бьянчи.

– А что говорит Клаус?

– Клаус занимается аналитикой. Стефан, ты можешь сам узнать у него, что он думает по этому поводу?

– Непременно, – бросил Бриннер. Он не спешил расставаться с Бьянчи. Ему доставляло удовольствие чувствовать превосходство над собеседником. Он не мог упустить возможность

лишний раз пощеголять перед Филиппом красивой девушкой и поспешил представить свою новую пассию.

– Филипп, познакомься с Кэтрин, она совсем недавно в нашей лаборатории, но уже может похвастаться интересными научными работами. Уверен, в будущем ее ждет невероятный успех в области квантовой физики.

«Никогда не встречал эту девушку в CERN... Вероятно, новенькая». – Подумал Бьянчи.

Филипп бросил взгляд на девушку и поразился ее красоте. Он назвал свое имя. Натянуто улыбнулся. Поправил очки и сказал, что очень торопится. Прощаясь, он невольно посмотрел на Кэтрин и неожиданно для себя увидел на ее губах улыбку, адресованную ему. Смутившись, Бьянчи снова принялся поправлять очки. Он быстро направился к буфету. Он был рад, что встреча закончилась. Все-таки Стефан Бриннер ему не нравился.

В буфете Филипп присел за столик, находившийся возле большого окна, откуда можно было наблюдать за прохожими и машинами. Люди, которые шли по своим делам по ту сторону окна, не догадывались, что он за ними наблюдает. Их совершенно не интересовала физика или химия. Их заботы казались мелкими в сравнении с проблемой, известной пока узкому кругу лиц.

Официант принес заказ – ароматный горячий кофе и небольшой кусочек чизкейка. Внезапно Филипп прикрыл глаза, и чуть было не уснул. Все-таки прошлая ночь была слишком коротка. Солнце дотягивалось до Филиппа сквозь стекло нежными лучами, согревало и пыталось его усыпить. Время будто остановилось. Он начал видеть странные картинки, что-то похожее на сон, и вдруг почувствовал на себе чей-то взгляд. В детстве у них была такая игра: если, разумеется, ради шутки пристально смотреть на того, кто пытается уснуть, о сне он может и не мечтать. Чужой взгляд страшно раздражает.

Филипп открыл глаза и увидел за соседним столиком Кэтрин. Она смотрела на него. Бьянчи удивился, что девушка одна. И где же ее новый кавалер Стефан?.. Филипп ощутил смущение, Кэтрин снова улыбнулась и подошла к нему.

– Не возражаете, если я составлю вам компанию? – спросила обладательница синих глаз.

– Конечно, нет, – ответил Филипп.

– Вы сейчас работаете над засекреченными исследованиями? – поинтересовалась Кэтрин.

– Клаус взял меня в свою группу, – Филипп был предельно краток. Лучше бы Кэтрин оставила его одного. У него не было настроения вести светскую беседу. Она была очень привлекательна, но ее красота еще больше усиливала дискомфорт. Он ощутил юношескую неловкость, словно боялся ответить невпопад, слова в голове цеплялись за извилины, обрывая ход мыслей.

Кэтрин забавляло состояние Филиппа. Не скрывая улыбки, она посмотрела на него и взяла инициативу в свои руки. Что-то спрашивала, над чем-то смеялась, снова и снова заводила разговор на самые разные темы. Филипп постепенно начал обретать уверенность. Через минут двадцать он уже не испытывал рядом с ней чувства неудобства.

Кэтрин умело настроила Бьянчи на нужный лад. Уверенная в себе девушка, никогда в жизни не испытывавшая чувство неловкости и неуверенности и за несколько минут умело подстраивалась под собеседника. Для этого она использовала все женские ухищрения. Девушка умело синхронизировалась с тем, с кем вела беседу. Теперь они весело и непринужденно разговаривали. Филипп не замечал, что ему легко дается общение с незнакомкой. Ему даже показалось, что он знает Кэтрин с детства. Он почувствовал себя двенадцатилетним пацаном. В голове всплыли воспоминания, когда общение с девочками и мальчиками не отличалось особыми приемами. Они на равных сражались на палках, представляя себя средневековыми рыцарями, непринужденно бегали друг за другом, играли в прятки и другие забавные игры.

– Филипп, – нежно и тихо произнесла Кэтрин, – ты еще здесь?

И сразу же звонко рассмеялась. Филиппу было комфортно с ней. С ним раньше никогда не происходило ничего подобного. Совершенно новые ощущения. Он испытывал легкость, умиротворение и полное спокойствие. Потерял счет времени. И только когда Кэтрин обратилась к нему, взглянул на часы. Состояние отрешенности оказалось совсем не продолжительным.

– Последние дни на меня плохо повлияли. Вероятно, работа сказывается на моем внимании, – слукавил Филипп. Рядом с девушкой он чувствовал легкость, но не мог признаться в этом, боясь, что она подумает о флирте с его стороны.

– В этом буфете делают прекрасный горячий шоколад. Пробовал?

– Не доводилось, – ответил Филипп.

– Позволь угостить тебя в честь нашего знакомства. Мне кажется, шоколад пошел бы сейчас на пользу нам обоим.

– С удовольствием, я обожаю шоколад.

Девушка заказала две чашки горячего шоколада и подошла к барной стойке, чтобы заказ обработали как можно быстрее. Через несколько минут Кэтрин уже была возле столика, где ее ждал Филипп.

– Ну что же, за знакомство! – Она подняла чашку с шоколадом.

– За знакомство! – Бодро подхватил Филипп.

Они сделали несколько глотков ароматного и густого напитка. Бьянчи признался, что это действительно то, чего ему так давно не хватало.

Кэтрин продолжала весело о чем-то болтать. Филипп неожиданно заметил, что девушка как-то по-особенному смотрит в его глаза. Он снял очки, достал бархатную тряпочку и начал протирать стекла. Снова надел и увидел пронизывающий взгляд Кэтрин. Ее глаза казались невероятно синими. С каждой секундой они становились все больше, и он уже не мог оторвать от них взгляд. Филипп путался в догадках, что больше напоминает цвет ее глаз – лазурное синее море или бесконечно синее небо. Голос Кэтрин звучал подобно монотонным бессвязным звукам. Мысли в голове Филиппа будто застыли. Возможно, похожее состояние охватывает религиозных фанатиков, входящих в транс от молитв или мантр. Это состояние так же схоже с глубокой медитацией. Филипп уже не отдавал отчета своим действиям. Сознание сузилось до размера двух зрачков удивительно красивой и странной девушки.

– Сейчас мы встанем из-за стола и пойдем к выходу, – услышал он четкую команду новой знакомой. Его тело казалось чужим, а все движения механическими. Будто не он, а робот выполнял команды. Филипп не мог мыслить логически, проанализировать то, что с ним происходит. Он воспринимал только команды Кэтрин.

Никто и никогда не смог бы подумать, что такая симпатичная и утонченная девушка, могла совершить подобное с мужчиной.

Покинув буфет, Филипп и Кэтрин направились к выходу. Проходящие мимо сотрудники ничего не заметили. Со стороны все выглядело так, будто девушка что-то увлеченно рассказывает Филиппу, а он ее внимательно слушает. Молодые люди добрались до выхода, где их ждал автомобиль. Водитель, увидев Филиппа и Кэтрин, любезно открыл дверь и усадил их на заднее сиденье. Автомобиль растворился в потоке машин.

Глава VIII

Ведь некоторые не знают, что нам суждено здесь погибнуть.

У тех же, кто знает это, сразу прекращаются ссоры.

Будда

Клаус закончил перебирать документы с результатами исследования. Извинившись перед Элиан, он направился к выходу из кабинета, но вдруг резко остановился и предложил: «Дорогая Элиан, ты не сотрудник института, но я предлагаю тебе пойти со мной. Кстати, Филипп наверняка уже на месте проведения эксперимента».

Элиан с удовольствием приняла приглашение. Остаться в кабинете Нименда одной ей не хотелось. Проходя по коридорам института, девушка вглядывалась в лица сотрудников. Некоторые были безразличными, некоторые выражали тревогу, но делать выводы об общем настроении она не могла. Вероятно потому, что каждый из сотрудников трудился над определенной частью общего дела и не был посвящен в полной мере в происходящее в этом загадочном учреждении.

Клаус не замечал вокруг никого, он знал, что ему известно больше, чем остальным. Профессора совершенно не интересовали мысли и эмоции сотрудников института, с почтением приветствовавших его. Он ускорял шаг, желая побыстрее избавиться от лишнего внимания и не оставить шансов тем, кто мог бы вступить с ним в самый короткий диалог.

Элиан с трудом поспевала за ним. Она взглядом искала Филиппа. Прошло уже много времени, как он вышел из кабинета. И чем ближе они были к месту проведения испытания, тем напряженнее она вглядывалась в лица коллег Бьянчи. Элиан пока не волновалась. Клаус сказал, что Филипп, возможно, уже там, куда вызвали всех ведущих ученых. Она никак не могла сосредоточиться. Девушка полностью доверилась профессору. Нименд оставался человеком, которому можно полностью доверять, он обладал качествами, которые остальные люди не только ценили, но и считали недостижимыми.

Преодолев все коридоры и аудитории, Клаус и Элиан оказались перед входом в помещение, граничащее с местом, где недавно разогнанные частицы встретились с невероятной скоростью и силой. Клаус электронным пропуском открыл дверь. Он попросил Элиан остаться здесь. В соседней комнате находилось небольшое количество сотрудников. Вероятно, у них был расширенный доступ. Ученые были явно чем-то взволнованы. Они периодически заглядывали в странные приспособления, похожие на телескоп или микроскоп, что-то оживленно обсуждали и делились впечатлением от увиденного. На их лицах отпечаталась тревога.

Большое стекло в массивной двери, позволяло Элиан наблюдать за происходящим. Девушка не слышала, о чем говорят ученые за дверью, поэтому ей вскоре наскучила одна и та же картина. Не могла же она бесконечно смотреть на людей в белых халатах. Филиппа среди них она не увидела. Она подумала, что он где-то рядом. Клаус сказал, что Филипп где-то здесь, а профессор редко ошибался даже в мелочах. Филипп относился к той маленькой группе ученых, которая имела доступ во все помещения лаборатории. Элиан решила поискать Бьянчи в соседних помещениях. Она испытывала неприятное чувство, сжимая в руках телефон и не решаясь позвонить Филиппу.

«Возможно, он занят и сейчас не нужно его тревожить», – думала Элиан, но чувство обиды на Филиппа нарастало. Почему он не сообщил, где находится и когда вернется. Не выдержав, девушка набрала номер Филиппа. Длинные равнодушные гудки... После нескольких попыток, ответа не последовало.

«Это слишком! – Подумала Элиан. – Я ему этого не прошу!» – она почувствовала себя брошенной на произвол судьбы в чужом здании.

Девушка, не дожидаясь Клауса, решила вернуться в его кабинет.

«Наверняка мы разминулись с Филиппом», – подумала Элиан, ничего плохого не подозревая, но почему-то нервничая. И тут она наткнулась на высокого мужчину, которого раньше где-то видела. Поравнявшись, он улыбнулся.

– Добрый день, Элиан!

– Здравствуйте, – она вспомнила этого молодого человека.

Стефан Бриннер явно был обрадован встрече. Что-то в нем было гипнотическое и завораживающее, вернее в его взгляде. Элиан не стала исключением. Тонкая, романтическая натура, хоть и с сильным характером, она была ранимой, и ей очень нравилось внимание.

– Вы не видели Филиппа? – спросила она.

– Я видел его час назад. Кажется, он направлялся в сторону буфета.

– Не могу его найти, – пожаловалась Элиан.

– Могу я вам чем-то помочь?

– Если встретите Филиппа, передайте, что я его жду в кабинете профессора Нименда.

– Обязательно передам, если встречу, – пообещал Стефан.

Элиан вернулась в кабинет Клауса и снова попыталась связаться по телефону с Филиппом. И снова продолжительные длинные гудки закончились голосом автоответчика.

«Как странно... Это возмутительно!.. И нелогично...» – в ее голову начали закрадываться мысли, которые она упорно гнала, но они снова и снова вязко возвращались, заставляя испытывать чувства раздражения и ревности. Женская интуиция пыталась заменить эти эмоции на цепенящую душу тревогу, которая брала свое начало в районе солнечного сплетения и разрасталась по всему телу. От нее холодели ладони и покалывало кожу головы. Так люди описывают свое состояние, когда хотят объяснить устойчивое выражение «волосы встают дыбом». Элиан гнала деструктивные мысли. Пыталась заменить их обычной злостью и обидой. Созданные искусственные эмоции сбивали с толку, отводя внимание от того, что происходило в действительности.

Вариантов поиска Филиппа было немного. Элиан решила дожидаться Клауса и потребовать объяснений о таинственном исчезновении Бьянчи, чтобы сообща попытаться его найти. Профессор наверняка был осведомлен о работе своих подчиненных, и Элиан надеялась, что Нименд сможет быстро найти Филиппа. Она не находила себе места в светлом и просторном кабинете. Разглядывала картины на стене, листала научно-популярные журналы и никак не могла успокоиться. Для того, чтобы отогнать страх, Элиан периодически заводила разговор с любимыми цветами Клауса. Она спрашивала, как им здесь живется, хорошо ли заботится о них профессор, спрашивала и сама отвечала.

«Если вы, растения, цветете в зимнее время, наверняка Клаус не только великолепный физик-ядерщик, но и отменный ботаник. И когда он только находит время за вами ухаживать? Большинство ученых похожи на ботаников, – те же белые халаты, изможденные лица и очки, – думала Элиан. – Недаром слово „ученый“ в первую очередь ассоциируется со словом „ботаник“». Вот какие нелепые мысли возникали в голове у девушки.

На ум приходили разные глупости и воспоминания. Они помогали держать себя в руках. Ранее девушка никогда не оказывалась в таком неловком положении. Филипп не позволял себе ничего подобного.

Элиан тщетно пыталась развлечь себя, пока ждала Клауса.

Профессор вернулся неожиданно для девушки. Она внимательно рассматривала распустившийся цветок. Войдя в кабинет, он сразу направился к большому монитору на столе. Присев в мягкое кресло, Клаус уставился в экран и принялся что-то изучать, вводить данные, бегло читать документы, которые так и остались лежать на столе после ухода Филиппа. Он делал вид, что не замечает Элиан, или действительно был настолько поглощен работой и мыслями, что попросту пренебрег ее присутствием. Всем видом профессор показывал, что у него много дел и сейчас ему не до Элиан.

Она присела в мягкий диван и какое-то время, молча, смотрела на Нименда. Элиан казалось, чем больше она знает этого выдающегося ученого, тем ей сложнее разгадать ход его мыслей. К тому же отношение Клауса к другим людям часто не соответствовало рамкам этикета.

«Как может он, войдя в кабинет, делать вид, что не замечает находящегося там знакомого человека? Ни взглядом, ни жестом, – размышляла Элиан. – Зайти и заняться своими делами и сделать вид, что, кроме него, никого не существует. Может ли Клаус настолько быть поглощенным работой и своими мыслями, что не замечает ничьего присутствия?» – девушка недоумевала.

Профессору сейчас явно было не до нее. Улучив подходящий момент, она начала разговор, испугавшись, что неловкая пауза может затянуться.

Два вопроса особенно мучили ее: как поскорее узнать у Клауса, где может находиться Филипп, и на самом ли деле произошло ужасное и непоправимое событие в том таинственном и полном загадок помещении, куда был допущен лишь определенный круг ученых.

В физике Элиан не была сильна. Ей хватало научных загадок при общении с Филиппом. Доверяя компетентным в этой области людям, она решила оставить проблему черных дыр им.

Терпение Элиан подошло к концу. Она подошла к профессору и спросила:

– Мистер Нименд, вы не видели Филиппа? Он покинул нас и должен был давно вернуться. Хуже всего, что он не отвечает на телефонные звонки. Я не знаю, что и думать.

Клаус взглянул на молодую девушку, и в одночасье вернулся в реальность, словно осознал, что, помимо глобальной проблемы, терзающей его в последнее время, существует окружающая действительность. Она упорно пытается с ним взаимодействовать, несмотря на то, что он всеми силами старается отгородиться от нее.

– Дорогая Элиан, все мои поступки – следствие произошедших недавно проклятых событий. Результаты исследования с каждым часом становятся все неутешительнее. Отсутствие Филиппа меня беспокоит не меньше чем тебя. К сожалению, я не видел его ни на месте проведения эксперимента, ни в одном из помещений нашего института. Кстати, я тоже пытался ему дозвониться, но результат был тот же, что у тебя. Элиан, думаю, пока нет оснований для беспокойства, и надеюсь, что в скором времени он объявится. Мало ли куда мог отправиться наш молодой человек. Тебе предстоит провести с ним разъяснительную беседу о пользе мобильного телефона для человечества и правилах этикета при общении с девушкой. Да и о субординации не мешало бы ему напомнить. К тому же, именно сейчас я крайне нуждаюсь в нем. Я хочу обсудить с ним то, что мне довелось увидеть полчаса назад.

– Я не могу себе объяснить его исчезновение, – не унималась Элиан. – Как можно пропасть среди белого дня?

– Сам удивлен, как это у него получилось.

– А что рассматривали ученые?

– Расчеты, которые мы могли видеть только на бумаге и в мониторах наших компьютеров, до недавнего времени показывали далеко не полную картину происходящего. Группа ученых, оставшаяся наблюдать, убедилась в правильности данных, которые мы получили ранее. Поверь, милая Элиан, мы не стали бы приносить Филиппа в жертву ради науки, – Клаус попытался шуткой подбодрить девушку. На самом деле профессор тоже очень переживал из-за отсутствия Филиппа.

– Надеюсь, вы не использовали его в качестве подопытного кролика, но я так на него злюсь, что с радостью бы сама это сделала, – подыграла Элиан. – Мистер Нименд, у вас есть хоть одно предположение, где можно поискать Филиппа?

– Разыскивать одного человека в таком огромном институте всегда затруднительно. Предлагаю подождать еще немного. Я распорядюсь объявить по громкой связи, чтобы Бьянчи немедленно явился в мой кабинет. Надеюсь, он объявится с минуты на минуту.

– Хорошо, мистер Нименд, давайте подождем его вместе, – спокойно ответила Элиан. – Я могу остаться у вас?

– О чем речь, конечно.

Элиан заметила, что у Клауса хорошее настроение. Она решила воспользоваться ситуацией.

– Раз выпала такая возможность, – не теряя времени, начала девушка, – не могли бы вы ответить на несколько очень меня интересующих вопросов?

Про себя Элиан подумала, что нужно попытаться вывести Клауса на разговор о тайнах дома Нименда. Да и за интересной беседой время пройдет быстрее и незаметнее.

– С удовольствием отвечу, – Клаус решил, что девушка будет расспрашивать о столкновении частиц. Мысленно он начал выстраивать ответ. Элиан интересовало то, на что Клаус в другой ситуации и с другим человеком непременно наложил бы вето. Эта была закрытая тема, и обычно он дал бы понять собеседнику, что не стоит больше никогда ею интересоваться. Но он дал обещание Элиан ответить на любые вопросы. Придется его сдержать.

– Мистер Нименд, я вчера узнала, что у вас есть ребенок. Могу я подробнее расспросить о нем? Сколько ему лет? Кто им занимается? Кто заботится о нем, когда вы на работе? И почему нас не познакомили с ним? Вы же знаете, как я люблю детей, – Элиан засыпала Клауса вопросами.

Профессор сжался от напряжения. Девушка подумала, что она слишком напориста и бесцеремонна, однако любопытство взяло верх. Элиан продолжила выпытывать у Клауса информацию о его семье. Не заметить раздосадованное лицо Нименда было трудно. Он не попытался скрыть свое негодование.

– Хорошо, Элиан, – попытался успокоиться профессор, – я поведаю историю моей жизни.

Нименд подошел к окну и уставился в него слепым взглядом. Ему сложно было говорить и смотреть на Элиан в эту минуту. Всем своим видом Клаус демонстрировал нежелание делиться тем, о чем он предпочитал молчать. Но девушка сделала вид, что не заметила его резко испортившегося настроения и бесцеремонно вторглась в чужую личную жизнь, закрытую от всеобщего доступа.

Глава IX

Всякая усиленная привязанность ко всему земному – страдание.

Будда

Внимательно слушая Клауса, Элиан не могла избавиться от тревожных мыслей о Филиппе. Прошло уже несколько часов, а он так и не появился. День клонился к вечеру, а о Бьянчи никаких известий. Он никогда так не поступал. Элиан все больше охватывало волнение и непонимание происходящего. Вопреки советам Нименда, она несколько раз обошла всю территорию CERN в надежде случайно встретить Филиппа. Все попытки оказались тщетными.

Элиан решила ждать Филиппа в кабинете профессора и все-таки использовать это время, чтобы разобраться в загадках жизни Нименда. Его относительное спокойствие потихоньку передалось и ей. Элиан было комфортно рядом с Клаусом, несмотря на то, что ее разрывало на части от неприятного предчувствия.

– Мистер Нименд, еще раз простите за неудобные вопросы, – голос Элиан прозвучал виновато. Формальные слова извинений подталкивали профессора поскорее пролить свет на терзавшие ее вопросы.

Клаус поддался напору. Он с легкостью мог перевести тему разговора в другое русло, не будь Элиан такой красавицей и девушкой Филиппа. К ее немалому удивлению, Клаус начал неторопливо рассказывать свою историю. Что на него повлияло? На этот вопрос сложно было однозначно ответить. Возможно, она ему нравилась или причиной стало то, что он сегодня увидел. Как же им не хотелось верить собственным глазам. Все человеческое естество противилось принимать увиденное. Быть может, совокупность всех этих обстоятельств повлияло на внутреннее состояние ведущего ученого CERN. Загадочное исчезновение Филиппа сбивало с толку Клауса, добавив в его нелегкую жизнь дополнительную проблему. Он чувствовал вину, считая себя ответственным за молодого ученого – своего непосредственного подчиненного. Но Клаус еще верил, что ничего страшного с Филиппом не могло произойти и что нелепая ситуация разрешится с минуты на минуту. Прервав затянувшуюся паузу, он обратился к Элиан:

– Раз тебе это интересно и ты с таким нескрываемым любопытством пытаешься выудить информацию о моей личной жизни, я попробую рассказать все, что посчитаю нужным. Сразу хочу предупредить, дорогая Элиан, что я прошу не распространяться о том, что я тебе расскажу.

– Конечно, мистер Нименд, – пообещала Элиан, не понимая, что же такое таинственное происходит в личной жизни Клауса, что должно быть закрыто за семью печатями.

Нименд знал, что должен рассказать Элиан о самых важных событиях своей жизни.

– Элиан, послушай меня и постарайся не перебивать. Шесть лет назад я был рядовым ученым в Европейской организации по ядерным исследованиям. Возможно, не более подающим надежды, чем остальные. Хотя мои работы заинтересовали многих именитых ученых, в том числе и в других научных исследовательских институтах и лабораториях. Что конкретно их заинтересовало, точно не могу сказать. Возможно, моя работоспособность или нестандартный подход к вещам. Но факт остается фактом – мои работы были одними из лучших среди работ других ученых. Теперь расскажу о личной жизни. В то время я был женат на прекрасной девушке. Кстати, она занималась квантовой физикой. Ее звали Мия. Познакомились мы на научной конференции. Вскоре у нас родился сын. Куда квантовой физике тягаться с тем, что мы чувствовали! У нас появилось маленькое, родное существо, которое требовало постоянного внимания. Мы его обожали. Мои родители и родители жены души в нем не чаяли. Но счастье продлилось недолго. Через несколько лет Мия и ее родители попали в аварию. Она и отец погибли на месте, а мать получила многочисленные травмы и через полгода скончалась.

– Простите меня, ради бога, за излишнее любопытство. Я ничего не знала. Мне искренне вас жаль.

– Все нормально, не беспокойся, – Клаус попытался сгладить неловкую ситуацию. – Я остался один с маленьким сыном на руках, – продолжил он. – Конечно, мои родители взяли основные заботы на себя, ведь я должен был работать. Скажу больше, только благодаря работе мне удалось худо-бедно выкарабкаться из депрессии. Шли месяцы, работа поглотила меня. Я старался, чтобы мои утраты не влияли на мои отношения с другими людьми. Родители как могли, помогали мне. Они переживали за меня, и все свободное время посвящали Матиасу. Я не могу их ни в чем винить. Никто не хотел верить, что мой малыш особенный. Этого маленького человечка я обожал каждой своей клеткой. Видеться с ним для меня было абсолютным счастьем. Как и взять на руки, прижаться к нему. Матиас – ребенок с особыми потребностями. Дело в том, что он долго не разговаривал. Мы поначалу не придавали этому значения, считая, что каждый ребенок индивидуален, а после смерти его матери подумали, что это из-за стресса. В столь юном возрасте мальчик не знал, куда делась его мама. Тем не менее, мы ошибочно полагали, что отсутствие матери отразилось на его развитии. И так, ребенок к трем годам не произносил ни одного слова. Я много работал, и моим родителям пришлось забрать малыша к себе. Они первыми начали замечать странности в его поведении. Результаты обследования оказались неутешительными. Они долго не решались сообщить мне о них. Вскоре и я заметил, что Матиас не развивается как обычный ребенок. Не реагирует на попытки общения с ним. Никогда не смотрит в глаза и даже не пытается что-то сказать. Словно избегает общения с людьми. К сожалению, мы просто не поспевали за количеством его новых поведенческих реакций. Они трансформировались из одного вида в другой. Я и мои родители не успевали подстроиться к прежним, сложным для нашего понимания потребностям Матиаса. Как замечали все более странные действия малыша. Мы никак не могли выяснить причину этого. Но постепенно мы научились взаимодействовать с ним. Это нельзя было назвать контактом. Мы выработали определенную модель поведения, при которой мой особенный мальчик чувствует себя более или менее комфортно. Мне казалось, что он был с другой планеты или мир расслоился, и мы попали в разные слои. То, что в нашем повседневном мире принято считать логичным, мой незащитный ребенок воспринимает полнейшим хаосом. Причем настолько мучительным для него, что зачастую у него случались припадки. – Клаус сел в кресло, на несколько секунд замолчал, в его голове всплыли тяжелые воспоминания, которые он снова пережил. Профессор на мгновение пожалел, что начал этот невыносимый разговор.

– Элиан, если бы ты знала, как тяжело смотреть на душевные страдания и муки собственного ребенка. Еще ужаснее, когда не знаешь, как ему помочь. Нам не под силу перейти в другой слой параллельного мира. Твой разум, даже если он в миллион раз умнее самого титулованного ученого, к сожалению, не в состоянии постичь того, что происходит в голове этого малыша, не похожего своим внутренним миром на своих сверстников. Иногда я сравниваю сына с микрочастицами, которые мы изучаем, пытаемся постичь их свойства через обычные и классические фундаментальные науки. Чем больше мы узнаем этот микромир, тем больше склоняемся к мысли, что никогда не сможем его осознать посредством того, чем руководствуемся сейчас. Так и с моим сыном. Мы все пытаемся следовать шаблонным действиям, которые заложены в нас с раннего детства. Например, если ребенок плачет, мы легко можем выявить причину этого плача и устранить ее. В случае с Матиасом все наоборот. Он будто в другом измерении, где наши законы не работают. И все же он здесь, с нами, и я этим периодически успокаиваю себя. Успокаиваю мыслью, что все происходящее кому-то необходимо...

Клаусу тяжело было обнажать свою душу. По его удрученному лицу легко было догадаться, что ему хотелось как можно скорее закончить мучительный разговор. Глядя в понимающие глаза притихшей Элиан, профессор подумал: «Наверное, эта девушка – единственный

человек в его жизни, с которым он смог поделился тем, что терзало и изматывало его столько лет».

– Мистер Нименд, из ваших слов, я сделала вывод, что у Матиаса аутизм?

– Да, верно. Это единственное, что врачи могли выяснить после обследования моего мальчика. Причем результат наблюдений так и остался под вопросом. Среди выявленных особенностей малыша были и такие, которые попросту не подходили ни под один диагноз.

– Профессор, – тихо сказала Элиан, – у меня есть опыт работы с такими детьми. Если вы позволите мне познакомиться с Матиасом, я постараюсь вам помочь, чем смогу.

– Дорогая Элиан, неужели ты считаешь, что обладаешь способностью путешествовать между мирами – нашим и тем, в котором люди, как Матиас, застряли в коварной ловушке? – с недоверием в голосе спросил Клаус.

– К чему мне путешествовать, я всего лишь выполняю свою любимую работу и стараюсь делать ее хорошо, – обиженно парировала девушка. – Мне всегда хотелось помогать детям. Это мое предназначение. Дар, если хотите, – уверенно и без лишней скромности произнесла Элиан.

Ее слова звучали так убедительно, что Клаус даже подумал, что надо познакомить Элиан с сыном. «От того, что они встретятся, хуже не будет», – пронеслось в его голове. Ее слова дали надежду, что возможно существуют люди, способные контактировать с теми, кто по прихоти злого рока оказался за бортом привычной жизни. С теми, чье сознание не способно принять обычное мироустройство. Несчастные люди, скрытые за глухим, непробиваемым панцирем хитроумных нейронных цепей. Существа, отдаленные бесконечной пропастью загадок человеческого разума, заколдованные злым волшебником в образы призрачных теней, превращенные потом в людей. Будто они не состоят из того же материала, что и мы – молекул и атомов.

Клаус иногда проводил параллели между своей работой и тем, что его окружает в повседневной жизни. Это помогало ему рассуждать о сакральных вещах, над которыми ломали головы многие религиозные деятели и философы разных времен.

Когда профессор на секунду задумался о проблеме в его семье, зазвонил телефон. Клаус невольно вздрогнул. Резкий вибрирующий звук тревожным копьём пронзил мимолетную тишину. У Элиан бешено забарабанило в груди. Она и профессор подумали, что звонит Филипп. Клаус быстро вынул телефон из кармана. Приложив телефон к уху, Нименд нахмурил брови. Элиан не находила себе места. Ее кинуло в жар, руки похолодели, сердце бешено застучало в груди и висках. Она старалась разобрать еле доносящиеся из трубки, нечленораздельные звуки.

– Да, все ясно, я сейчас приеду, – пообещал ученый.

– Мистер Нименд, что случилось с Филиппом? Это он? – выпалила Элиан.

– К сожалению, нет, хоть я и очень надеялся, что это он, но позвонили мои родители, они сейчас с Матиасом у меня дома. У сына очередной приступ. Элиан, извини, мне срочно надо ехать. Продолжу свой рассказ позже. Сейчас в голове полный сумбур. – Неприятности на работе, куда-то пропавший Филипп, приступ сына. У Клауса были проблемы, и их надо было решать.

После звонка родителей Клауса Элиан стало еще хуже. Она не могла справиться с нарастающим чувством тревоги за Филиппа. Если с Клаусом девушка еще как-то держала себя в руках, отвлекаясь на его рассказ, старалась не выдавать своих мрачных мыслей, то сейчас ей попросту не хватало воздуха от волнения. Голос дрожал, глаза застилала слезы. Она почувствовала: случилось что-то ужасное. Она не знала, что ей делать. Девушка в очередной раз набрала номер Филиппа. Холодный автоматический голос сообщил, что абонент вне зоны доступа, и хладнокровно предложил перезвонить позже. Элиан почувствовала слабость во всем теле, ноги стали ватными, она не могла встать, не могла произнести ни одного слова, ей очень захотелось пить. Казалось, что она вот-вот потеряет сознание. Прежде она слышала длинные гудки надежды, этот же оборвал последнюю ниточку.

– Мистер Нименд, настало время обратиться в полицию, – собравшись с силами, сказала Элиан.

– И я подумал об этом, – ответил Клаус, надевая серое пальто.

– Пожалуйста, возьмите меня с собой, у меня огромный опыт работы с детьми, в том числе и такими, как Матиас. – Элиан не хотела оставаться одна. Паника накрывает ее и будет сложнее принимать правильные решения, в том числе организовать поиски Филиппа, к которым следовало приступить немедленно. Она точно знала, что сможет быстрее нормализовать состояние ребенка.

Глава X

Терпение – это противоядие от гнева.

Будда

– Нет, нет и еще раз нет! – выкрикнул Нименд. От мыслей, о знакомстве Элиан с Матиасом, которые посетили его несколько минут назад, не осталось и следа.

– Это исключено! – Клаус явно сердился, будто Элиан просила его о чем-то недозволенном.

«Странная реакция, – подумала Элиан. – Интересно, что мне не следует знать ни при каких обстоятельствах? Неужели это настолько запретная тема для Нименда, что он не подпускает к ней никого? Какая тайна скрывается у него дома на втором этаже, за дверью с табличкой Mathias Nimend? Мало мне исчезновения Филиппа, что еще истерика Клауса. Зачем так все усложнять, мучить себя и окружающих? Как убедить этого странного человека переменить свое решение?»

Элиан хотела добра Клаусу, его несчастному сыну и Филиппу, который наверняка нуждался сейчас в помощи. В то же время она осознавала, что сейчас не сможет воспользоваться преимуществом, которым частенько пользовалась. Она была очень красива и обаятельна и привыкла к восхищенным взглядам сильного пола. Но Клауса ее красота не трогала. Элиан снова предприняла попытку убедить Клауса познакомить ее с ребенком, но в ответ услышала:

– Элиан, этого не будет, – Клаус был рассержен. – Ты не должна ехать к моему сыну. Твое присутствие ему навредит и знание психологии не поможет. Традиционная психология в этом случае бессильна. – Слова Клауса больно ударили по самолюбию Элиан.

«Да откуда ему знать, поможет или нет? Неужели он и вправду думает, что люди с аутизмом всегда предсказуемы», – размышляла сама с собой Элиан.

Проблема усугублялась еще и тем, что Клаус не слышал никого кроме себя. Диалога с ним не получалось.

«Хорошо, я соглашусь с ним», – решила девушка, выслушав напористый монолог Нименда.

Резкий голос Клауса вывел ее из оцепенения и позволил мобилизовать все внутренние ресурсы. Она бесцеремонно перебила профессора.

– Я все поняла. Я не стану противиться вашему решению и не поеду к вам домой. Езжайте к сыну, а я поеду в полицейский участок и заявлю о пропаже Филиппа.

Резкий тон Элиан отрезвил Клауса. Он понял, что не должен был давать волю эмоциям. Смутившись, ученый попросил у девушки прощения. На его щеках проступил румянец стыда. Тон его стал извиняющимся.

– Прости еще раз... Здоровье Матиаса – больная для меня тема. Обещаю закончить рассказ о нем и моей жизни в следующий раз. Ты приняла правильное решение. Как только улажу все свои дела с Матиасом, присоединюсь к тебе. Я тоже все время думаю об исчезновении Филиппа.

Они вместе вышли из института. Девушка бросила взгляд на парковку – автомобиль Филиппа стоял на том же месте, где они его оставили утром. Подойдя к машине, она заглянула внутрь через боковое стекло, но никаких изменений не обнаружила. Она не могла объяснить, что хотела там увидеть.

Клаус спешно отправился к сыну, а Элиан в ближайший полицейский участок.

Все попытки связаться с Филиппом закончились неудачей. Автоответчик механически повторял одну фразу. Элиан быстро добралась до полиции, где дежурный отправил ее к художавому, с яркими серыми глазами и гладко выбритым лицом молодому офицеру. Он внимательно выслушал девушку и подумал: «Да мало ли куда мог деться молодой человек. Поднимать

тревогу еще рано». Мундир на нем выглядел щеголевато, будто он соревновался с другими коллегами в опрятности. В его взгляде было что-то мальчишеское. Именно так и должен был выглядеть офицер полиции – образец законопослушного гражданина. Но это не наделяло его самым главным – опытом, интуицией и правильным распределением приоритетов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.